

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

БЕЗ ОРУЖИЯ

Пьеса в 2-х действиях

Действующие лица:

РУМАТА
КИРА
БУДАХ
АРАТА
РЭБА
КОНДОР
ОКАНА
АБА
УНО
ЦУПИК
ХОЗЯИН
ПИЛОТ
ТОРГОВЕЦ
МАРШАЛ ТОЦ
НЕИЗВЕСТНЫЙ
горожане, штурмовики, монахи

ПРОЛОГ

На темной авансцене в луне прожектора появляется Румата - в черном трико с головы до ног.

РУМАТА. То были дни, когда я познал, что значит страдать; что значит стыдиться; что значит отчаяться...

МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ. Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ. Спаси, спаси нас! Нам бы хоть какнибудь да пожить!

Луч прожектора гаснет. Румата уходит, занавес раздвигается.

Лесная поляна. На заднем плане - Угрюмая Берлога, приземистая бревенчатая изба, наполовину вросшая в землю. Посередине сцены - покосившийся идол-чучело, на одной из растопыренных деревянных лап висит зажженный фонарь. У подножья идола в кругу света сидит дон Кондор в средневековом плаще и ботфортах, в шляпе с пером, рассеянно царапает какие-то фигуры у ног своих концом шпаги в ножнах и насвистывает печальную мелодию - "Летят утки". Из темноты доносятся знакомые звуки: лошади переступают копытами, звякают уздечками, шумно вздыхают, отфыркиваются.

Дон Кондор вдруг поднимает голову, прислушиваясь. Нарастает характерное жужжание приближающегося вертолета. Заржала лошадь в темноте. По поляне, по стволам деревьев пробегает летучий голубой луч прожектора, сразу гаснет. Жужжание усиливается, затем резко обрывается. Дон Кондор встает. Справа на сцену выходят двое. Первый - дон Румата в средневековом дорожном костюме, при шпаге и в шляпе, с ковровым мешком в руке. Второй - Пилот, в серебристом комбинезоне.

Дон Кондор быстро идет им навстречу, но не дойдя нескольких шагов, срывает шляпу и делает глубокий поклон. Румата тоже кланяется.

ПИЛОТ. Познакомьтесь, товарищи. Резидент Института экспериментальной истории в торговой республике Соан Александр Васильевич Симонов, он же генеральный судья и хранитель государственных печатей упомянутой республики дон Кондор. Новый резидент Института в герцогстве Арканарском Малышев Антон Константинович, он же...

РУМАТА. Барон Румата дон Эстор. Покинул метрополию в надежде быть представленным ко двору герцога Арканарского и предложить ему свою честь и шпагу.

КОНДОР. Здравствуй, Антон...

Они пожимают друг другу руки.

РУМАТА. Простите, Александр Васильевич, чтобы не забыть... Вам письмо с Земли, от внучки... (Достает из-за обшлага конверт, протягивает Кондору.)

КОНДОР. Спасибо... (Отходит под свет фонаря, быстро проглядывает письмо, затем прокашливается.) Спасибо, Антон... Ну что ж, друзья, присядем, поговорим... (Усаживается под идолом, похлопывает ладонью возле себя.) Садитесь...

Румата и Пилот садятся.

КОНДОР. Долетели благополучно?

ПИЛОТ. Над Зеленой бухтой немного покачало, штормит... А так ничего, все в порядке.

КОНДОР. Вы ведь с Полярной базы добирались!

ПИЛОТ. Так точно, Александр Васильевич. На субмарине. Снялись с борта только в Зеленой бухте.

КОНДОР. Так... На базе с тобой говорили, Антон? Положение знаешь?

РУМАТА. Говорили. Знаю. Положение неважное.

КОНДОР. Да, наделал нам Орловский хлопот. Придется тебе все начинать сначала.

РУМАТА. Это я еще на Земле знал.

КОНДОР. Что на Земле говорят!

РУМАТА. На месте, говорят, сориентируешься.

КОНДОР. Будем надеяться... Думаешь отсюда прямо в Арканар!

РУМАТА. Если вы не возражаете.

КОНДОР. Нет, я не возражаю. Действительно, чего оттягивать. Я только тебе посоветовал бы не сразу устраиваться капитально. Есть там постоянный двор... "Серая Радость" называется... Как тебе такое название? Остановись первоначально там, оглядись, послушай, немножко себя покажи... так, самую малость...

РУМАТА. Да, мне на базе тоже так рекомендовали.

Кондор. Вот и я тоже рекомендую. И именно "Серую Радость". Там сейчас окопался Будах.

РУМАТА. Будах? Тот самый? Будах Арканарский?

КОНДОР. Тот самый знаменитый Будах. Математик и астроном.

РУМАТА. И еще немножко поэт, немножко колдун, немножко мистификатор, как я понял... Почему он окопался в "Серой Радости"?

КОНДОР. Снимает там конуру, пьет, скандалит. Три недели назад у него сгорел дом... вместе с обсерваторией и библиотекой.

РУМАТА. Сгорел! Или...

Кондор. Сожгли, конечно. Он сам чудом спасся. Между прочим, он был большим приятелем Орловского...

РУМАТА. Да, знаю. Орловский ведь переводил его на русский... "Как лист увядший, падает на душу..." Ну, хорошо. Значит, для начала "Серая Радость", Будах. Что еще?

КОНДОР. Оборудование для тебя спрятано в этой избе (Показывает через плечо.), в подвале. Там замаскирован сейф. В сейфе ты найдешь ранцевый птицелет, приемопередатчик для прямой связи с Полярной базой, кое-какие мелочи... Да, там еще полевой синтезатор. Дает до полутора килограммов золота в час в отливках по двести граммов... (Усмехается.) Все на случай бегства, на случай сомнений, на случай бедности...

РУМАТА. Понятно. Спасибо.

КОНДОР. Кстати, деньгами тебя снабдили?

РУМАТА. Триста золотых.

КОНДОР. Этого для начала хватит. А потом свяжешься с ювелиром одним, с ним покойник Орловский...

РУМАТА. Да, я знаю. Отец Гаук, улица Молочников.

КОНДОР. Все-то ты знаешь... Ладно. Еще я хочу предупредить тебя. Мир, с которым ты войдешь в соприкосновение уже завтра утром, он потребует от тебя предельного напряжения совести. Мир нормального средневекового зверства... Да, да, тебе об этом рассказывали, тебя инструктировали, тебе показывали фильмографии, но это все не то... Подожди, пока впервые втянешь

носом запах горелого мяса...

РУМАТА. Не беспокойтесь, Александр Васильевич. Я выдержу.

КОНДОР. Если бы я хоть несколько первых недель мог быть рядом с тобой ежеминутно, с утра и до вечера... (Машет рукой.) Мы здесь поняли кое-что такое, чего у нас в Институте на Земле никак не могут понять. Нас готовили так, чтобы мы не сорвались, выдержали. Но ведь выдерживать-то тоже нельзя, Антон. Если когда-либо поймешь, что способен выдержать здесь все, беги тогда отсюда без памяти. Это будет значить, что ты прочно вошел в роль. Что ты уже не коммунар, а благородный подонок барон Румата. Бойся войти в роль! В каждом из нас здесь благородный подонок борется с коммунаром. И все вокруг помогает подонку, а коммунар - один-одинешенек, до Земли тысяча лет и тысяча парсеков...

Пауза. Румата внимательно смотрит на Кондора, Пилот, напротив, отвернулся от них.

РУМАТА. Но это же азбука, Александр Васильевич. Все мы отлично понимаем, что мы историки, а не физики. И что мы здесь находимся вовсе не для того, чтобы утолять наше чувство справедливости...

КОНДОР. Да... да... (Глубоко вздыхает.) Я здесь, голубчик, пятнадцать лет. Я уж и сны про Землю видеть перестал. Как-то, роясь в бумагах, нашел фотографию одной женщины, долго соображал, кто это такая... А это дочь была, мать вот этой... (Прижимает ладонь и груди, куда, очевидно, спрятал полученное письмо.)

РУМАТА. А ведь вам отдохнуть надо, Александр Васильевич.

КОНДОР (резко выпрямляется). Подожду, подожду еще отдыхать... (Встает. Румата и Пилот тоже вскакивают.) Да, все это лишнее. Пора. Итак, твое дело - наблюдение, изучение, в лучшем случае - спасение деятелей культуры и культурных ценностей... Впрочем, ты это, конечно, знаешь...

РУМАТА. Знаю.

КОНДОР. Ты все знаешь. Но вот что ты мог знать, но забыть. Все мы разведчики. И все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас в качестве заложника.

Он резким движением нахлобучивает шляпу. Румата склоняется перед ним в церемонном поклоне.

АКТ ПЕРВЫЙ. КАРТИНА ПЕРВАЯ

По авансцене перед закрытым занавесом под грохот барабана маршируют серые штурмовики - серые рубахи до колен, серые штаны, черные сапоги, на правом плече топор. Последние два штурмовика волокут на веревке связанного избитого человека в партикулярном. За занавесом шумит толпа, слышны крики:

- Братья! Вот они, защитники! Разве эти допустят? Да ни в жисть!
 - А мой-то! На правом фланге! Вчера еще его порол!
 - Да, братья, это вам не смутное время! Прочность престола, спокойствие! Ура, серые роты!
 - Ура, дон Рэба! Слава доброму герцогу нашему!
 - Мужичье - в кровь!
 - Баронов - на фонарь!
 - Грамотеев - на кол!
 - Ура, орел наш дон Рэба!
- Штурмовики проходят, шум стихает, занавес раздвигается.

Харчевая зальца в нижнем этаже постоянного двора "Серая Радость". Тяжелая стойка, за нею полки с глиняными бутылками и бочонкообразными кружками. На переднем плане - тяжелые столы и тяжелые скамьи. За стойкой - Хозяин, толстый, красный, в кожаной безрукавке, он неторопливо беседует с торговцем, который сидит за ближайшим к нему столом над кружкой пива. Кира, дочь Хозяина, хорошенькая, в белом передничке, вытирает столы тряпкой.

ТОРГОВЕЦ. Конечно, порядку нынче против прежнего больше стало. Хоть герцог у нас еще малолетка, зато канцлер при нем - всем канцлерам канцлер. Орел, одним словом. Опять же хлеб подешевел, а на сукно, скажем, или там

на оружие цены растут... А все-таки... (Крутит головой и припадает к кружке.)

ХОЗЯИН. А вы их, почтеннейший, не жалеите. Они сами себе на уме. Выдумают, надо же!.. Мир круглый! Да по мне хоть квадратный, а умов не мути!.. Не-ет, много от грамотеев этих гноя идет, почтеннейший. Не в деньгах, мол, счастье, мужик, мол, тоже человек, дальше - больше, оскорбительные стишки, а там и до бунта недалеко...

ТОРГОВЕЦ. Да разве я что говорю! Я говорю только, не надо бы так жестоко. Все-таки человек, живое дыхание... Ну, грешен - так накажите, поучите, а зачем вот так-то - сапогами да по лицу, да под ребра, а он как зайдется криком, а кровища кругом во все стороны...

ХОЗЯИН. Вы почтеннейший, главное, не сомневайтесь. Раз власти так поступают - значит, знают, что делают. Орел наш дон Рэба...

Слева быстрыми шагами входит штурмовик в серой рубахе, рукава засучены, руки до локтей забрызганы чем-то черным. Это - Аба, брат Киры и сын Хозяина. Швырнув топор в угол, он подходит к стойке.

АБА. Налейте-ка пивка, папаша, в глотке пересохло... (Залпом выпивает кружку.) Уф-ф... Там во двор благородный какой-то заехал, пошли бы встретили... (Хозяин торопливо выходит. Аба поворачивается к Кире.) Эй, рыжая, поди слей мне воды, руки помыть...

КИРА. Сейчас...

АБА. Не сейчас, а иди, когда тебе говорят!

КИРА (оглядываясь на него, прижимает кулачки к груди). Ой, Аба, в чем это у тебя руки-то!

АБА. В чем, в чем... В чем надо, в том и руки... Ну, чего стоишь, вытаращилась! Идем!

Они скрываются в помещении за стойкой. Входит Румата, за ним Хозяин с его ковровым мешком.

РУМАТА. Чтобы помещение было самое лучшее, достопочтенный, белье чистое, полотняное...

ХОЗЯИН. Все будет сделано, благородный дон...

Румата останавливается посередине зальцы, оглядывается. Торговец приподнимается, кланяется. Румата небрежно кивает.

РУМАТА. На завтрак подашь. Что у тебя есть!

ХОЗЯИН. Собачьи уши, отжатые в уксусе... Тушеный крокодил в болотных травках...

РУМАТА. Гм... Смотри мне, промашек не потерплю!

ХОЗЯИН. Не будет промашек, благородный дон... Я же понимаю... Завтрак прикажете сюда подать!

Румата опять оглядывается.

РУМАТА. Нет. Подашь мне в комнаты. Иди все устраивай, а я пока посижу здесь, выпью пива...

ХОЗЯИН. Сию минуту... Кира! Кружку пива благородному дону!

Из-за стойки торопливо выходит Кира. За нею, на ходу отворачивая закатанные рукава, появляется Аба. Румата и Кира секунду глядят друг на друга. Затем Румата усаживается за стол.

РУМАТА. Из рук такой прелестной девицы... А нет ли у тебя ируканского, хозяин! Я бы охотно чокнулся с этой красавицей...

ХОЗЯИН. Подай благородному дону бутылку ируканского...

Хозяин поднимается по лестнице, ведущей на второй этаж. Кира приносит от стойки и ставит перед Руматой глиняную бутылку и стакан. Наливает.

РУМАТА. Отлично придумано, прекрасная девица. Я намеревался чокнуться с тобой, но будет гораздо приятнее пить из стакана, которого коснулись твои розовые губки... (Протягивает стакан Кире.) Пей, мне не терпится узнать твои мысли...

КИРА. Как это - узнать мои мысли!

РУМАТА. У меня на родине есть поверье, что кавалер, который льет из стакана после девушки, узнает все ее мысли...

Кира испуганно отстраняет стакан. Аба, который стоит, облокотившись на стойку, гогочет. Торговец тоже хихикает. Румата холодно оглядывает их, затем указывает на Абу.

РУМАТА. Кто этот молодой... гм... каторжник!

КИРА. Это мой брат, сударь... Его зовут Аба...

Аба приближается, осклабляясь.

АБА. Совершенно в точности, благородный дон. Брат я ей. И потому

знаю, что вина она не пьет, хотя в остальном девица вполне толковая...

РУМАТА. Гм... Аба... А почему на тебе такое нелепое одеяние!

АБА. Какое же оно нелепое! Это потому, что я состою в штурмовых отрядах канцлера и орла нашего дома Рэбы...

РУМАТА. Видишь ли, любезный, я из далеких стран... Впрочем, ты можешь взять этот стакан и вернуться на свое место у стойки... (Аба хочет что-то сказать, но Румата предупреждает его движением руки.) Можешь взять с собой даже всю бутылку. Поскольку твоя очаровательная сестра не пьет, я тоже бросаю...

Аба хватается бутылку и стакан и, кланяясь, пятится к стойке.

РУМАТА. Ну что ж, раз судьба не сулила нам познать в вине вкус губ друг друга, давай хоть побеседуем... Садись. (Кира несмело присаживается напротив Руматы.) Как тебя зовут, прекрасная девица?

КИРА. Кира, благородный дон.

РУМАТА. Чудесное имя. А меня зовут Румата. Это имя носили восемнадцать поколений моих благородных предков, и тысячи прекрасных дев произносили его с нежным трепетом... Ты тоже будешь произносить его с нежным трепетом, не так ли, Кира?

КИРА. Вы смеетесь надо мной, благородный дон...

Она пытается подняться, но Румата удерживает ее.

РУМАТА. Нет, я не смеюсь. Это у меня такая манера разговаривать. Хотя нет, кажется, действительно немножечко смеюсь. Не обижайся. Дорога была долгая и скучная, вот я решил слегка повеселиться. Но можешь мне поверить...

Он останавливается. Со второго этажа доносятся отчетливо слышные голоса. Голоса Хозяина и Будаха.

БУДАХ. Да не ворчи ты, старое копыто! Мало тебе от меня перепало!

ХОЗЯИН. За что заплачено, за то заплачено, а за что не заплачено, за то надо платить вовремя...

БУДАХ. Скупердяй старый. Скажи лучше, для кого это ты такие хоромы готовил?

ХОЗЯИН. Не для таковских, как некоторые. Благородный дон у нас остановились...

БУДАХ. Ага... Кто таков?

ХОЗЯИН. Сам скажет, коли захочет. Мне ни к нему. Пять золотых задатку дали, не как некоторые...

БУДАХ. Пять золотых! Ай-яй-яй! Да ведь вся твоя ночлежка этого не стоит... А в кости он как? Играет?

ХОЗЯИН. Сами спросите...

БУДАХ. Он где! Внизу!

ХОЗЯИН. Внизу. Вино пьют.

БУДАХ. Что же ты раньше не сказал, полено толстомордое?

На лестнице появляется Будах - огромный, встрепанный, в расстегнутом кафтане. Он спускается медленно, со ступеньки на ступеньку, оглядывая зальцу, затем взгляд его останавливается на Румате и Кире.

БУДАХ. Пристроился, прохвост... Успел уже...

Он садится поодаль за отдельный стол.

РУМАТА. Кто это!

КИРА. Это Будах, великий чернокнижник... (Поднимается.) Вы меня простите, благородный дон...

РУМАТА. Зови меня просто Румата.

КИРА. Вы меня простите, мне нужно... (Не закончив, торопливо отходит к Будаху.) Здравствуй, отец Будах.

БУДАХ. Здравствуй, лапочка. Что это за хлюст?

КИРА. Новый постоялец. Из благородных...

БУДАХ. А чего ты с ним сидишь?

КИРА. Так мне положено. Кто меня с собой посадит, с тем и сижу. Иначе меня здесь со свету сживут, отец Будах, сами знаете.

БУДАХ. Это уж точно... Только уж какой-то он особенно лощеный, противный...

КИРА. Да нет, он еще ничего... Чего вам подать, отец Будах?

Будах в затруднении скребет в шевелюре. В зальцу спускается Хозяин, подходит к Румате.

ХОЗЯИН. Завтрак сейчас же прикажете, благородный дон?

РУМАТА. Что? Нет, потом... Я скажу, ступай.

Хозяин кланяется, отходит, оглядывается на Киру.

ХОЗЯИН. Эй, Кира, ты там с ними не очень-то, уши не распускай, а то они тебе наказыывают...

КИРА. Ничего они не заказывают, папаша, не беспокойтесь.

АБА (от стойки). Пива ему позавчерашнего и хлеба горбушку, и будет с него...

БУДАХ. Заткнись, губошлеп... Ладно, Кира, лапочка, принеси мне кружку пива и хлеба немного.

ХОЗЯИН. Немного... И то много на дармовщинку-то... Погоди, сам налью.

Хозяин уходит за стойку. Румата встает, переходит к столу, за которым сидит Будах, садится. Смотрит на Будаха, на Киру, которая все еще стоит рядом, снова на Будаха.

РУМАТА. Друзья мои, одному мне скучно. Позвольте уж мне с вами.

БУДАХ. А садитесь, коли хотите, мне-то что...

РУМАТА. Рад с вами познакомиться, почтенный Будах... Ведь вы - Будах?

БУДАХ. Ну!

РУМАТА. Отлично. Я вас искал. Но с вами потом. Позвольте сначала закончить разговор с этой вот прекрасной девицей...

Подходит Хозяин, грохает перед Будахом пивную кружку, бросает ломоть хлеба.

ХОЗЯИН. Извольте завтракать, почтенный. В последний раз. Больше вам не будет, пока не заплатите...

БУДАХ. Экая ты скотина все-таки... Что ж ты со мной так при других людях, а?

ХОЗЯИН. Невелика персона...

АБА (от стойки). Гнать его, колдуна, со двора надо, а вы с ним разговоры разговариваете, папаша...

РУМАТА. Погодите... (Берет кружку с пивом, нюхает, затем выплескивает пиво Хозяину под ноги.) Ступайте, достопочтеннейший, и принесите нам с почтенным Будахом по кружке хорошего пива... И если пиво будет плохим, я вас в нем утоплю!

ХОЗЯИН. Сию минуту, благородный дон... (Поспешно уходит.)

БУДАХ (качает головой). Ну и ну!

РУМАТА. Так вот, сначала я хотел бы закончить разговор с этой прекрасной девицей. Кира, я действительно позволил себе слегка пошутить с тобой, и мне показалось, что ты рассердилась...

КИРА. Я не рассердилась...

РУМАТА. Тогда прими от меня маленький подарок... Дай твою руку.

Кира растерянно глядит на Будаха, затем нерешительно протягивает Румате руку, Румата надевает на ее запястье золотой браслет.

КИРА. Но как же... Благородный дон, я ведь не могу...

БУДАХ. Дай-ка взглянуть, лапочка... (Берет ее руку с браслетом, разглядывает.) Гм, похоже, что золото... Да, настоящее золото. (Отпускает руку Киры, смотрит на Румату.) Однако, благородный дон, делать такие подарки вместо того, чтобы извиниться...

Кира пытается снять с руки браслет.

КИРА. Я не могу, право... Это слишком дорого...

Между тем, привлеченные разговором, и ним приближаются Аба и Торговец, а затем подходит и Хозяин с двумя кружками.

АБА. Хвостом тя по голове! И вправду золотой!

ТОРГОВЕЦ. Верно, золотой, золотой. Я золото повидал на веку...

КИРА (чуть не плача). Прошу вас, благородный дон, снимите, заберите обратно...

ХОЗЯИН. Молчи, дура рыжая! Вся в мать! Ей благородный дон снисхождение делает, так поблагодарила бы...

АБА. Да уж, дура - она дура и есть... Вы ее не слушайте, благородный дон, она у нас... того... вина вот тоже не пьет...

БУДАХ. Слушайте, дон, не знаю, как там вас зовут...

РУМАТА. Тихо! Друзья мои. Я подарил этот браслет прекрасной Кире и не могу взять его обратно...

АБА. Во! Правильно! Подарил же...

РУМАТА. Не могу по двум причинам. Во-первых, он не мой... (Будах и Кира переглядываются). Во-вторых, и это самое важное, он не снимается!

Пауза. Кира снова пытается снять браслет, но не может.

ХОЗЯИН. Видишь ты...

АБА. Ну, это мы еще поглядим...

РУМАТА (бешено). Молчать, щенок! Голову оторву! (Аба испуганно пятится.) Хозяин, поставьте пиво и можете идти. Вы тоже, любезный!

Хозяин, поставив пиво, поспешно ретируется следом за Торговцем.

БУДАХ (отхлебывает из кружки). Вот это пиво...

РУМАТА. Больше вы не сердитесь на меня, Кира?

Кира вскакивает и выбегает из зальца.

БУДАХ. Я вам вот что скажу, благородный дон. За пиво, конечно, спасибо, однако... Ладно, об этом после. Кто вы такой и что вам от меня надобно!

РУМАТА. Я - барон Румата из Эстора. Припоминаете!

БУДАХ. Нет.

РУМАТА. И не надо.

БУДАХ. А что же надо!

РУМАТА. Долг мне вам старый отдать надо. Пятьдесят золотых. (Он достает увесистый кошелек и принимается отсчитывать, выкладывая на стол золотые кружочки.) Десять... пятнадцать... двадцать...

Будак с интересом следит за его действиями. Хозяин, Торговец и Аба - тоже, но издали, не решаясь приблизиться.

БУДАХ. Долг, значит...

РУМАТА. Именно долг, почтенный Будах... Сорок пять... Пятьдесят. Берите.

Сгребает монеты в кучу и придвигает к Будаху. Тот рассовывает деньги по карманам.

БУДАХ. Долг так долг. Правда, благородный дон, надо вам сказать, что в жизни своей я никому в долг не давал. Дарил - это бывало, но чтобы в долг... А вообще-то деньги одинаковые, что их тебе дарят, что в долг дают...

АБА (у стойки). Сколько золота, папаша, видели! Это же сдохнуть можно...

ХОЗЯИН. Богатый, видно, дон...

ТОРГОВЕЦ. Предложить ему пеньки купить?..

БУДАХ. Ну, хорошо, барон Румата, долг вы мне отдали, душу успокоили. А чего вам все-таки от меня надобно? Или сначала пожрем? Я угощаю!

Румата не успевает ответить. В зальцу, гремя по-хозяйски каблуками, входит командир серых штурмовиков Цупик в узком сером мундире при шпаге. При виде его Хозяин и Торговец подобострастно кланяются, а Аба вытягивается по стойке "смирно". Цупик останавливается посередине зальца, зорко оглядывается - взгляд его на секунду останавливается на Будахе и Румате, - затем поворачивается к Абе.

ЦУПИК. Почему здесь околачиваешься? Почему не в казармах?

АБА. Состоял в группе особого задания, господин капитан! По выполнении отпущен до обеда!

ЦУПИК. Особое задание? Какое? В чем дело?

АБА. За мятежного грамотея маленько подержались, господин капитан!

ЦУПИК. А, понял. Стихотворец Гур.

Будак вздрагивает и приподнимается, но снова садится.

АБА. Точно, господин капитан!

ЦУПИК. И как же!

АБА. Обыкновенно, господин капитан. Локти к лопаткам - и в башню. Дело привычное...

ЦУПИК. Недалек день, когда все бесчинствующие... э... персоны в герцогстве на своей шкуре убедятся, что наш канцлер дон Рэба не намерен... (Снова оглядывается.) Слушай, а где... Кира? Или ты воображаешь, что я пришел сюда, чтобы чесать с тобой язык?

АБА. Понял, господин капитан... Сию минуту... (Устремляется вон с криком: "Кира! Рыжая! Ты где, чертова девка?")

ЦУПИК (Хозяину). Пива! Моего, черного...

Усаживается за отдельный стол. В это время в зальцу едва не крадучись входит закутанный в невообразимые лохмотья горбатый нищий и садится неподалеку от Будаха и Руматы. Хозяин ставит перед Цупиком кружку, подходит к Нищему.

ХОЗЯИН. Чего тебе, нищелод?

НИЩИЙ. Мне бы пива кружечку да хлебца с требухой...

ХОЗЯИН. Деньги покажи.

НИЩИЙ. Есть деньги, почтеннейшим, разве я б иначе посмел...

БУДАХ. Выкладывает на стол несколько медяков. Хозяин сгребаёт их в карман и, ворча, уходит к стойке. Будах внимательно присматривается и Нищему, затем придвигает ему свою кружку.

БУДАХ. Отпей, убогий, от моих щедрот.

НИЩИЙ. Спасибо, добрый господин, мне сейчас принесут...

БУДАХ. Ну, раз моим пивом брезгуешь, прими хоть это... В твоих делах пригодится, бедолага...

Вынимает золотой, кладёт перед Нищим. Нищий быстро взглядывает на Будаха, снова опускает голову.

НИЩИЙ. Вовек твоей щедрости не забуду...

Прячет монету в лохмотьях. Хозяин приносит Нищему пиво и еду.

ХОЗЯИН. Жри скорей да проваливай... У меня заведение чистое.

НИЩИЙ. Да деньги разве не одни и те же, почтеннейший?

ХОЗЯИН. Помалкивай, жри вон...

Отходит к стойке, Вбегает запыхавшийся Аба, устремляется к Цупику.

АБА. Не нашел, господин капитан, должно быть, к подруге усвисталась... Да она придет скоро, я знаю...

ЦУПИК. Ладно, подождем. Спешить некуда. Ступай.

Аба отходит, прислоняется к стойке и только тут замечает Нищего.

АБА. Ты что же, скотина горбатая, жрать здесь расположился! А ну, пошел отсюда вон!

НИЩИЙ. Иду, иду, дорогой человек... (Залпом допивает пиво, засовывает остатки еды в суму и поднимается.) Иду, милый, иду...

Бормоча и постанывая, ковыляет к выходу и выходит...

ХОЗЯИН. Много нынче горбатых да увечных развелось...

ТОРГОВЕЦ. Это верно, почтенный. Пока до рынка дойдешь, все полы оборвут, все карманы обчистят...

ХОЗЯИН. Карманы... Здесь, почтеннейший, и не карманами уже пахнет. Горбатый Арата, пропасти на него нет, опять, говорят, зашевелился, уже два замка баронских сжег, под самыми нашими стенами со своими бандитами рыщет...

ТОРГОВЕЦ. Ох, не быть бы опять мятежу!

АБА. Ну, чего разнылись! Недолго уж ему рыскать! Уж попался бы он мне на глаза...

Будах вдруг раздражается громовым смехом. Все с недоумением глядят на него.

РУМАТА. Боюсь, достопочтенный Будах, я не совсем понимаю...

БУДАХ. Ох, не могу... Под стенами рыщет... А он по городу, как по своим лесам, прогуливается!

РУМАТА. Простите... Кто прогуливается?

БУДАХ. Да Арата же! Ведь нищий, который тут с нами только что сидел...

РУМАТА. Не может быть!

БУДАХ. Это же и был Арата! Знаменитый мятежник!

Пауза. Цупик вскакивает.

ЦУПИК. Врете!

ТОРГОВЕЦ. Что же вы не сказали!

АБА. Хватать надо было!..

БУДАХ. Еще него - хватать... Мне за это не платят. Тебе надо - ты и хватай! Ну, него стоишь! Беги, догони, хватай!

АБА. Да что ж я один-то...

БУДАХ. А ты капитана своего с собой...

ЦУПИК. Молчать (Абе.) Губошлеп! Бегом в казармы, доложить обо всем, поднять по тревоге, прочесать город! Ж-живо!

Аба, подхватив топор, исчезает. Цупик на негнущихся ногах подходит к Будаху.

ЦУПИК. Вот теперь вы попались наконец, почтеннейший.

БУДАХ. Я? Ничего подобного.

ЦУПИК. Вы оказали помощь мятежнику!

БУДАХ. Брось. Это ты брось. Я тебе не сыщик и докладывать тебе не обязан.

ЦУПИК. Я своими глазами видел, как вы снабдили мятежника золотой монетой!

БУДАХ. Я своими глазами видел, как ты с ним пиво пил чуть ли не за

одним столом...

РУМАТА (расслабленным голосом). Что это такое? Что тут за порядки у вас в Арканаре? Почему мне мешают пить пиво и наслаждаться беседой?

БУДАХ. Сейчас все будет улажено, благородный дон Румата.

РУМАТА. Хорошо. Только поскорее, пожалуйста. Какие-то нищие, мятежники... Что нужно у моего стола этому господину в сером? Я готов дать ему золотой, но пусть он отойдет...

ЦУПИК. Прошу прощения, благородный дон. Вы приезжий? Прошу предъявить подорожную.

РУМАТА. Вам? Но я вас не знаю, дражайший! С какой стати? Кто вы такой?

БУДАХ. Это Цупик, бакалейщик с улицы Святого Мики...

ЦУПИК. Я канцлеру своему, дону Рэбе, покорный слуга и командир серых штурмовиков!

Пауза.

РУМАТА. Не понимаю. Бакалейщик... покорный командир... Повторите, любезный, чего вы хотели!

ЦУПИК. Предъявите подорожную!

РУМАТА (Будаху). Предъявить?

БУДАХ. А как хотите, благородный дон. Можете предъявить, можете не предъявить, все равно. Он читать не умеет...

Румата вдруг с криком вскакивает, опрокинув скамью. На лице его ужас и отвращение.

РУМАТА. Что это?

БУДАХ. Где? А, это? Как что? Таракан! (Хлопает ладонью по столешнице.)

РУМАТА. Гадость какая... (Проводит ладонью по лбу.)

ХОЗЯИН (от стойки). Всегда они у нас разводятся, когда торговцы пеньку привозят...

ТОРГОВЕЦ. Это уж точно. Их в пеньке видимо-невидимо...

Цупик хохочет. Все смотрят на него.

ЦУПИК. Ай да благородный дон! Ах да храбрец! Таракана испугался! Ну, распотешили вы меня! Таракана струсили!..

В одно мгновение Румата выхватывает шпагу. Цупик умолкает и шарахается в сторону.

РУМАТА. Вы изволили назвать меня трусом, господин бакалейщик? (Приставляя острие то к лицу, то к груди, то к животу Цупика, теснит его в глубину зальца, пока он не упирается спиной к стойке.) Трусом? Меня? Восемнадцатого барона Румату Эсторского? Где тебе пустить кровь, серый хам? Из брюха, налитого пивом? Из гнилого и подлого твоего сердца? (Приставляет острие к горлу.) Или из твоей гнусной глотки?

БУДАХ. Проси прощения, бакалейщик. Беда будет небольшая, если барон тебя уколошит, но что-то мне стало тебя жалко...

РУМАТА. Ты, грязная сволочь, ты всю свою жизнь спишь и жрешь с тараканами и прочей нечистью, тебе она не в диковинку, так ты решил, что и люди благородной крови таковы же, как ты?..

ЦУПИК (хрипит). Не надо... Не убивайте, благородный дон... Это я не со зла... от обиды... Простите, благородный дон...

РУМАТА. Еще раз!

ЦУПИК. Прошу великодушного прощения, благородный дон Румата!

Румата опускает шпагу, зевает.

РУМАТА. Фу, вспотел... Хозяин, каплю ируканского на стакан воды. Идите, Цупик, и хорошенько подумайте над своим поступком. И пусть это послужит вам уроком... (Пьет воду с вином.)

Цупик, ни на кого не глядя, уходит.

БУДАХ (ему вслед). Это тебе не грамотеям руки крутить...

РУМАТА. А теперь... Хозяин!

ХОЗЯИН. Слушаю, благородный дон...

РУМАТА. Завтракать! (В этот момент в зальцу входит Кира.) Вот очень кстати, Кира. Ты будешь за хозяйку, не возражаешь? Завтрак ко мне наверх, на двоих... (Глядит на насупившегося Будаха, смеется.) Мы будем завтракать с моим другом достопочтенным Будахом...

КАРТИНА ВТОРАЯ

На авансцене перед закрытым занавесом идут слева направо Кира и Румата. Идут медленно, не прикасаясь друг к другу.

КИРА. Нет, этого я не смею, дон Румата. Я - простая девушка, я свое место понимаю... А я хочу только сказать, что, как вы от нас съехали, мне совсем плохо стало. Брат зверем смотрит, того и гляди - прибьет или еще чего хуже...

РУМАТА. Ты ему скажи, сукиному коту... Ладно, я сам скажу. Но что это он на тебя взъелся?

КИРА. Цупик, командир ихний, с тех пор к нам ни ногой. Брат говорит - из-за меня...

РУМАТА. Как это?

Пауза.

КИРА. Что здесь непонятного... А Цупик, он говорит, теперь при самом канцлере, при доне Рэбе... А вы теперь в гвардии, дон Румата?

РУМАТА. В гвардии.

КИРА. При дворе все, наверное... Дамы там красивые, нарядные.

РУМАТА. Этого добра там полно. Но ты, Кира, красивее их всех.

КИРА. Это вы просто так говорите... А насчет нарядов - так я, если захочу, тоже могу купить. На рынке один ируканский купец лавку открыл, нарядами торгует, даже заморские есть, сама видела. Давеча ходила... Это знаете где? Вот как по улице Красильщиков на рынок выйдете, так сразу по правой руке она, недалеко от виселиц.

РУМАТА. Ага...

КИРА. Ага. Шагов сто не доходя, так что мимо них идти не приходится... Я страсть не люблю под виселицами ходить. Там теперь голых вешают, срам смотреть... Раньше, бывало, в одежде или в мешках вешали, да и то один висит, другой... А нынче целыми десятками висят, да не только мужчины, но и женщины... Так я уж стараюсь глаза в землю... А что это одна я все говорю и говорю, дон Румата, а вы все молчите... Конечно, вам, наверное, скучно со мной, да?

РУМАТА. Нет, что ты, девочка, я слушаю...

КИРА. Ну да, слушаете... А сами о другом чем-то думаете. Я же вижу...

РУМАТА. Это верно. О другом. О тебе.

КИРА. Вот уж неправда...

РУМАТА. Вот уж правда...

КИРА. Если бы вы обо мне думали...

РУМАТА. Тогда что?

КИРА. Вы бы давно... А то уже тринадцатый день, как от нас съехали, и ни разу не зашли...

РУМАТА. Ты даже дни считаешь...

Пауза.

КИРА. Ладно. Мне идти пора.

РУМАТА. погоди. Ты по мне соскучилась.

КИРА. Д-да... (Пятится от Руматы.)

РУМАТА. Подойди ко мне. (Кира отчаянно трясет головой.) Подойди же, что ты?

КИРА. Я вот о чем хочу вас попросить, дон Румата. Можно?

РУМАТА. Конечно.

КИРА. Снимите с меня этот браслет ваш.

Пауза.

РУМАТА. Почему? Не нравится тебе?

КИРА. Нет, что вы... Только иначе они его мне вместе с рукой отрежут.

РУМАТА. Кто?

КИРА. Отец да брат... Четвертого дня крутили, крутили, рука даже посинела... Видите? (Показывает.) А уж ругались как... (Румата молчит.) Снимите, а? Я ведь и без браслета...

РУМАТА. Пойдем, я тебя провожу.

Уходят, занавес раздвигается.

Апартаменты дон Рэбы, канцлера герцогства Арканарского. Зала, узкие, как бойницы, окна. Обширный письменный стол, заваленный бумагами, несколько кресел, В одном из кресел, неестественно выпрямившись, сидит дон

Рэба - мужчина лет пятидесяти, с деревянным лицом, в темном простом костюме. В другом кресле развалился, нога на ногу, дон Кондор. В третьем, поджав под себя ноги и привалившись к подлокотнику, располагается некая донна Окана, красивая дама лет двадцати пяти, в платье с очень глубоким вырезом.

КОНДОР. Все это очень хорошо, мой дорогой канцлер, но кто же будет покупать!

РЭБА. Да кто угодно! Я, вы, она... Мужик и ремесленник должен только производить! Это о них сказано: пока склонены их вшивые головы над работой, не убивай их, но при всем том не давай им и жить. А тех, кто головы поднимут, убивай, как бешеных волков... И пожелавший переменить этот свыше установленный порядок есть смутьян и разрушитель установления, повинный смерти. Таковыми являются грамотеи, всякие там математики и сочинители, ибо это о них сказано: язык твой - враг мой...

КОНДОР (смеясь). Но вы же сами грамотей, дорогой канцлер!

РЭБА. Я имел в виду грамотеев-мечтателей, грамотеев-растлителей, грамотеев-умников! Умные нам не надобны, дон Кондор! Надобны верные... Вот я собираюсь выпустить в свет рассуждение о новом государстве...

ОКАНА. Ах, уволите нас от ваших рассуждений, милый!

КОНДОР. Нет-нет, прекрасная дама, это очень интересно. Продолжайте, дорогой канцлер, прошу вас...

РЭБА. Суть сего рассуждения весьма проста. Она всего в трех... как бы это сказать...

КОНДОР. Принципах?

РЭБА. Вот именно. В трех принципах... (Перегибается к столу и что-то записывает.) В трех принципах. А именно: слепая вера в непогрешимость власти, беспрекословное оной повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за каждым.

Пауза. Донна Окана зевает.

КОНДОР. Гм... Каждого за каждым - это хорошо. Но позвольте, дорогой канцлер, ведь это, по сути дела, государственные принципы Области Святого Ордена!..

РЭБА. Совершенно справедливо, дон Кондор. В рассуждении своем я тщился лишь довести эти прекрасные... гм... принципы до простоты, без всякого украшения.

КОНДОР. Интересно, очень интересно... И вы собираетесь ввести эти принципы в государственное устройство герцогства Арканарского?

РЭБА. Я уже ввожу их.

КОНДОР. А как же бароны? Родовая знать?

РЭБА. Вот именно, бароны и родовая знать. Но ведь в вашей торговой республике, дон Кондор...

За окнами вдруг раздается громовой топот марширующих сапог. Гремит хриплыми глотками песня:

О чем наш серый парень может мечтать?

О том, чтоб вещи подороже достать!

О том, чтоб днем и ночью пиво хлестать!

О том, чтобы в кустах молодку зажать!..

Дон Кондор поднимается и подходит к окну, глядит вниз. Грохот сапог стихает в отдалении. Дон Кондор поворачивается.

КОНДОР. Высокое небо, что это за ужас!

РЭБА. Мои серые роты, дон Кондор. Мой инструмент в борьбе с баронами, книжечками и мужичьем.

КОНДОР. Ну и сброд!

РЭБА. Ничего, зато преданны и жадны, как собаки. Главным образом младшие отпрыски из среднего сословия - лавочников, мясников, скотовладельцев... Плодовитый народ, эти лавочники, и у всех у них масса младших сыновей. И все рвутся исполнить свой патриотический долг. Казне это не стоит ни гроша...

КОНДОР (возвращаясь в кресло). Казне - это вам, дорогой канцлер?

Донна Окана хохочет и хлопает в ладоши.

РЭБА. Они ненавидят баронов и презирает мужиков и мастеровщину. Как раз то, что нам нужно.

КОНДОР. Ловко... Браво, мой дорогой канцлер! Вы - настоящий реформатор, вы предвосхитили идеи, которыми будут пользоваться через сотни лет!

РЭБА. Благодарю... Так вот. Пока они у меня учатся. Маршируют, наводят ужас, восхищают своих почтенных родителей... А в самом недалеком будущем я задам им кровавую баню. А затем я окончательно загоню их в казармы, приставлю к ним опытных капралов, и через год-другой...

Неслышно входит Монах в черной рясе с капюшоном.

МОНАХ. Капитан Цупик, ваше преосвященство.

РЭБА. Вы позволите, дон Кондор!.. Проси.

Монах выходит, и сейчас же, шумно топая, в апартамент входит Цупик.

ЦУПИК. Будах тоже скрылся, проклятый колдун!..

РЭБА. Одну минутку... Вы знакомы?

Цупик поворачивается к Кондору.

ЦУПИК. Нет. Приветствую вас, благородный дон...

Кондор наклоняет голову.

РЭБА. Дон Кондор, генеральный судья республики Соан. Капитан Цупик, командир нашей серой гвардии.

ЦУПИК. Рад сделать знакомство. Вот у вас...

РЭБА. Дон Кондор направляется в Эстор в качестве торгового посланника и по пути оказал нам честь кратковременным посещением Арканара.

ЦУПИК. Вот у вас в Соане чтут торговое сословие, не то, что у нас, у вас бы там...

РЭБА. Простите, любезный капитан, вы что-то говорили о Будахе, кажется...

Цупик валится в кресло рядом с Оканой. Та брезгливо отодвигается.

ЦУПИК. Ладно, от соанцев у нас нет секретов. Будах пропал. Не уследили мои стервецы, молодцы... Только вот что я вам скажу, господин канцлер, ваша светлость: Будах - это уже шестой чернокнижник за последние два месяца, который уходит от нас сквозь пальцы. Может, им и верно нечистая сила помогает?

РЭБА. А вы сами как думаете, любезный капитан?

ЦУПИК. Не знаю, что и думать. Думать - это ваша забота. Моя забота - выследить, взять и - на кол! (Хохочет.) Вот это мы умеем, будьте спокойны, господин соанец...

КОНДОР. Не сомневаюсь, капитан.

ЦУПИК. Вы еще нас к себе будете выписывать за большие деньги! (Хохочет, затем обрывает смех.) От маршала ничего нет?

РЭБА. Пока ничего... (Кондору.) Речь идет о баронском ополчении, выступившем под командованием маршала Тоца против мятежника Араты Горбатого... Мы ждем известий о разгроме Араты с минуту на минуту...

ЦУПИК. О разгроме... Этот дурак с железным горшком на макушке и проиграет - недорого возьмет... Арата - орешек крепкий... Ладно! (Поднимается.) Идти надо, дел полно - три подвала мастеровщины и грамотеев не пытанно... А у меня еще одно дело, господин канцлер, ваша светлость...

РЭБА. Да, капитан?

Цупик достает из-за обшлага сложенный лист бумаги.

ЦУПИК. Желательно было бы, чтобы вы подписали, господин канцлер, ваша светлость... РЭБА (просматривает список). Дон Кэу... Дон Тамэо... Дон Сэра... Простите, капитан, в чем, собственно, дело?

ЦУПИК. Список персон, превратно все понимающих и от каковых многое несчастье для...

РЭБА. Ага, вот оно... "Приказ об аресте и препровождении в казармы Серых Рот нижеследующих..." Гм... Мудро, мудро... Кто здесь еще? Гм... Дон Капада... Дон Румата... (Кондор вздрагивает, но тут же берет себя в руки.) Дон Рипат... Гм... Короче, все ваши обидчики, капитан?

ЦУПИК. Извольте подписать.

РЭБА. Хорошо, я подумаю.

ЦУПИК. А него думать? Подмахните, вот и вся недолга...

РЭБА. Как же так можно, капитан! Старейшие роды и иностранные офицеры!

ЦУПИК. Всех под одну гребенку! У меня в казармах они все одинаковы!

РЭБА. Возможно, капитан. Но не так быстро. Отложим. Я рассмотрю этот список. Уверяю вас...

Входит Монах.

МОНАХ. Маршал Тоц, ваше преосвященство.

ЦУПИК. О! Давай его сюда!

РЭБА. Проси.

Монах выходит. Слышится лязг железа, входит маршал Тоц, закованный с ног до головы в железные доспехи.

ТОЦ. Господин канцлер, ваша светлость! Счастлив доложить вам, что мятежные орды Араты Горбатого разгромлены, сам Арата пленен и доставлен в Арканар, дабы быть повергнутым к стопам...

ЦУПИК. Молодец, маршал! А я-то думал, что ты у нас дурак!

Бросается к Тоцу, пытается его обнять и расцеловать. Впрочем, тот защищен панцирем.

РЭБА. Иного не ожидал. От имени герцога Арканарского жалуя вас кавалером Ордена Трех Начал...

ТОЦ (становится на одно колено). Слава герцогу! Слава канцлеру, орлу нашему дону Рэбе!

РЭБА. Мятежника Арату, заковав, препроводить в башню. Завтра на рассвете четвертовать! Поворачивается к Кондору.) Вот и конец угрозе Империи, дон Кондор...

КОНДОР. Одну минуту, мой дорогой канцлер. Нельзя ли мне взглянуть на прославленного мятежника?

РЭБА. Взглянуть? (Поворачивается к Тоцу.) М-м?

ТОЦ. Все натурально, господин канцлер, ваша светлость. Мятежник Арата под стражей во дворе вашей канцелярии.

РЭБА. Пусть введут.

ТОЦ (подбегает к двери, кричит). Ввести сюда Арату Горбатого!

Все ждут, слышится звон цепей, двое солдат вводят Арату Горбатого, Он едва передвигается, голова замотана кровавыми тряпками.

РЭБА. Как он вам кажется, дон Кондор?

Кондор молчит. Он просто смотрит на Арату и не говорит ни слова.

ОКАНА. Ах, от него так воняет кровью!

РЭБА. Что-нибудь хочешь сказать, мятежник?

АРАТА (с трудом поднимая слепую голову). Ничего... ничего... Где казнить-то будете?

РЭБА. В башне.

АРАТА. Жаль... На площади бы... Там бы я сказал... А здесь - какой толк? (Выпрямляется.) Ох, Рэба, ох, сволочь, ну, доберемся мы до тебя, гад, вша недодавленная, гниль недосохшая... (Один из солдат бьет его по голове, он замолкает.)

РЭБА. Увести. В башню. Соленую рыбу. Живо!

Солдаты увлакивают Арату. За ними уходит маршал Тоц.

ОКАНА. Нахал...

РЭБА (Кондору). Как он вам?

КОНДОР. Да, это был опасный враг...

ЦУПИК. Ладно, я пойду. А про списочек вы не забудьте, господин канцлер, ваша светлость. Мы на вашу подпись очень надеемся...

РЭБА. Кто это - мы?

ЦУПИК. Ну, я, скажем. Мало? (Уходит.)

Пауза.

ОКАНА. Мужлан... Лавочник...

КОНДОР. Кандидат в покойники...

РЭБА. Как вы сказали?

КОНДОР. Это я так... Скажите, мой дорогой канцлер... Если это не секрет, конечно...

РЭБА. Пожалуйста, мой гость.

КОНДОР. Вот эти монахи у вас в прихожей... и вас называют "ваше преосвященство"... Разве вы приняли сан?

Пауза. Рэба ухмыляется, подмигивает Окане.

РЭБА. Это вас удивило бы, дон Кондор?

КОНДОР. Поступки людей, стоящих во главе государства, вызывают не удивление, но либо восхищение, либо ужас.

РЭБА. Да будет вам известно, дон Кондор, что я уже второй год являюсь наместником Святого Ордена в герцогстве Арканарском, епископом и боевым магистром.

Пауза.

КОНДОР. Поразительная новость. Я вас поздравляю, ваше святейшество...

РЭБА. Благодарю.

КОНДОР. Я не сомневаюсь, что эта новость будет воспринята при дворах Империи с необычайным удивлением...

РЭБА. Я буду рад, если эту новость сообщите именно вы.
Входит Монах.
МОНАХ. Багаж и слуги посланника торговой республики Соан дон Кондора погружены на корабль. Отлив начнется через полчаса. Капитан просит дон Кондора явиться к этому времени на борт.
РЭБА. Эскорт для господина посланника! (Монах уходит.) Жаль. Поужинать не успели.
КОНДОР. Это пустяки, поужинаю в море... Разрешите еще один вопрос, дон Рэба.
РЭБА. Разумеется, дон Кондор.
КОНДОР. Почему вы именно сейчас и именно мне раскрываете свои карты?
РЭБА. Карты?
КОНДОР. Я хочу сказать, почему вы именно сейчас и именно мне сообщаете, что вы - агент Святого Ордена?
Пауза.
РЭБА. Дон Кондор, до Эстора восемнадцать дней морем и сорок дней сушей. И я не раскрываю карты. Я показываю зубы!
Кондор встает.
КОНДОР. Прошу разрешения откланяться.
РЭБА. Расстаюсь с вами не без грусти.
ОКАНА. Ах, дон Кондор, на обратном пути...
Внезапно за окнами взрывом возникает гвалт испуганных голосов. По окнам проносится голубой луч и сразу же гаснет, Крики усиливаются и вдруг смолкают. Рэба пятится к своему столу, тащит из ящика огромный арбалет. Кондор обнажает шпагу. Окана выхватывает из складок платья кинжал.
В апартамент вбегают несколько монахов и солдат. Их Начальник падает перед Рэбой на колени.
НАЧАЛЬНИК. Господин канцлер! Ваша светлость! Сам дьявол посетил нас!
РЭБА. Что такое? Какой дьявол?
НАЧАЛЬНИК. Он унес Арату!
РЭБА. Что-о?
НАЧАЛЬНИК. Я сам видел, собственными глазами! Он прилетел... Все залилось адским светом! Дьявол пал на башню с небес, распахнул над нами непомерные крылья, дунул горячим воздухом, схватил Арату и вместе с ним исчез!..
ОКАНА. Подлый лжец!
НАЧАЛЬНИК. Не я один видел... Все видели!
СОЛДАТЫ И МОНАХИ. Точно! Мы все видели!
НАЧАЛЬНИК. Мятежника Арату дьявол уволок с вершины башни!
Пауза.
КОНДОР. Разрешите откланяться. (Уходит.)
РЭБА. Все вон!
Монахи и солдаты, толкаясь, выбираются из апартамента. Рэба садится за свой стол, подпирает голову рукой, думает. Окана пристально глядит на него.
РЭБА. Дьявол... Дьявол. Как сказал этот дурак Цупик? "Им нечистая сила помогает..."
ОКАНА. Страшное дело!
РЭБА. Да, страшное дело... опасное дело... Если он и такое может, то опаснее не придумаешь...
ОКАНА. О ком ты? Ты что-то знаешь, да?
РЭБА. Сыск - дело великое. Вот так следишь-следишь за человеками, глядь - и на дьявола наткнешься... Да, опасно, опасно... Ах, изловить бы его, да за жабры - и на сковородку, а? Или оставить, пренебречь, ничего, мол, не знаем, удивляемся, и только... Нет, это нельзя. Надо крючочек подыскать... Только клюнет ли? И если клюнет, то на что?
ОКАНА. Слушай, я боюсь, перестань...
РЭБА. Бойся, бойся, сейчас самое время, Ну-ка, поди сюда...
Окана подсаживается к нему вплотную. Он что-то шепчет ей, опасливо поглядывая на зрительный зал.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Гостиная в нижнем этаже дома, где поселился Румата. Уно, слуга Руматы, мальчик лет шестнадцати, мрачноватый и угрюмый, ходит с пыльной тряпкой и щеткой, занимается уборкой. Внезапно настораживается, бросает тряпку и щетку, спешит к дверям. Входит, как туча, Румата, молча сбрасывает на руки Уно шляпу и плащ, валится в ближайшее кресло.

РУМАТА. Принеси воды. Вина с водой. Живо.

УНО. Может, кушать будете?

РУМАТА. Воды, я тебе сказал! Пошел! (Уно уходит.) Будь оно все проклято! (Вскакивает, принимается расхаживать по комнате.) Люди! Это люди? Что в них человеческого? Одних режут прямо на улицах, другие покорно ждут своей очереди... И каждый думает: вот его - за дело, а меня - не за что, я хороший... Нет, мало того, еще и приговаривает: так его, так его, режьте, чтобы другим неповадно было! Исступленное зверство тех, кто режет, и исступленная благонамеренность тех, кто смотрит... Десять человек стоят, блаженно пуская слюни от преданности, а один подходит, выбирает жертву и режет. Души этих людей полны нечистот, и каждая капля пролитой на их глазах крови загрязняет их все больше и больше...

Румата замолкает. Словно бы издалека, нарастая, накатывается рев толпы, в котором различаются истерические вопли: "Бей, бей!", "Огня! Больше огня!", "Ура, Серые Роты! Ура, дон Рэба!". "Режьте, бейте, жгите!". Рев нарастает, достигает нестерпимой громкости и разом обрывается. Румата трясет головой, словно отгоняя страшное видение.

РУМАТА. Пулемет бы сюда, пулемет!.. Свинцом по серой сволочи, по бледненькой роже дона Рэбы, по окнам его прокисшей от крови канцелярии!.. Это было бы сладостно. Это было бы настоящее дело...

Румата возвращается в кресло, сжимается, прикрыв лицо ладонью. В гостиной темнеет. И из тьмы гулко раздается голос Кондора.

КОНДОР. Итак, мы хотим стрелять?

РУМАТА. Да.

КОНДОР. В кого?

РУМАТА. В этих мерзавцев. В дона Рэбу. В бакалейщика Цупика.

КОНДОР. За что?

РУМАТА. Они убивают все, что мне дорого...

КОНДОР. Они не ведают, что творят.

РУМАТА. Они ежедневно, ежечасно убивают будущее!

КОНДОР. Они не виноваты. Они - дети своего века.

РУМАТА. То есть они не знают, что виноваты? Но мало ли чего они не знают! Я, я знаю, что они виноваты!

КОНДОР. Тогда будь последовательным. Признай, что придется истребить многих.

РУМАТА. Не знаю, может быть, и многих. Одного за другим. Всех, кто поднимает руку на будущее...

КОНДОР. Это уже было. Травили ядом, бросали в царей самодельные бомбы. И ничего не менялось...

РУМАТА. Нет, менялось! Так создавалась стратегия революции!

КОНДОР. Нам не надо создавать стратегию революции. Мы владем ею в совершенстве, она перешла к нам от великих предков, от первых коммунаров. А тебе хочется просто убивать!

РУМАТА. Да, хочется.

КОНДОР. А ты умеешь?

РУМАТА. Не знаю... Но здесь звери ежеминутно убивают людей. И здесь все бесполезно. Знаний не хватает, а золото теряет цену, потому что опаздывает...

КОНДОР. Мы пришли сюда, чтобы научиться помогать этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб - уходи. Возвращайся домой. В конце концов ты не ребенок, ты знал, на что идешь...

Пауза. Гостиная вновь освещается. Входит Уно с подносом - на подносе сверкает чаша с водой.

УНО. Там девка какая-то пришла. А может, дона. По обращению вроде девка - ласковая, а одета по-благородному... Красивая... (Румата медленно поднимает голову, глядит на него, тот ухмыляется.) Прогнать, что ли?

РУМАТА. Балда ты. Я тебе прогоню. Где она? (Вскакивает.) Проведи сюда, быстро!

Уно выходит и возвращается с Кирой. На Кире пышное платье "благородного" покроя, она чувствует себя в нем довольно неловко. Румата спешит к ней навстречу.

РУМАТА. Кира! Вот кстати, вот кстати!

КИРА. Здравствуйте, дон Румата.

РУМАТА. Безобразница, мы же договорились...

КИРА. Ну, пусть - Румата. Просто Румата. (Озирается.) Вот значит, как вы живете...

РУМАТА. Пстой, пстой... (Оглядывает ее.) Какая ты нарядная сегодня!..

КИРА. Вот... Всю свою копилку в ход пустила. Продавец сказал, что все придворные дамы так теперь наряжаются... Правда, великовато оно мне было, так я к знакомой портнихе снесла... А теперь ничего, правда? Не сравнить, как я в простонародном хожу...

РУМАТА. Гм... Да, пожалуй... Однако что же это мы! Садись. (Он подводит ее к дивану, садится в кресло рядом, звонит в колокольчик. Вбежавшему Уне.) Сладостей, воды фруктовой, быстренько...

Уно выбегает.

КИРА. А я шла от портнихи... дай, думаю, зайду, посмотрю, как дон Румата живет...

РУМАТА. И молодец. Могла бы и раньше зайти. Сколько мы не виделись? Пстой-ка...

КИРА. Двадцать четыре дня.

Пауза. Уно приносит на подносе угощение, ставит на стол, уходит.

РУМАТА. Угощайся, придворная дама.

КИРА. Благодарствуйте, благородный дон... (Трепетно берет пирожное, откусывает.) А что же вы?

РУМАТА. Не хочу, не люблю сладостей... Как у тебя дома?

КИРА. Лучше не спрашивайте. Озверели они все.

РУМАТА. Кто?

КИРА. Все они. Одно слово - "Серая Радость". В вине захлебываются, топорами размахивают, грозятся... Ах, не хочу я о них, дон Румата...

РУМАТА (берет ее за руку). Просто - Румата. Ручка у тебя маленькая, мягкая... Лапка...

КИРА. Не надо... Румата. А то я...

РУМАТА. Что?

КИРА. Заплачу, вот что... (Достает платок, отвернувшись, промокивает глаза.) Вот всегда так... Какой-то вы...

РУМАТА. Ну-ну, не надо, Кира, девочка...

КИРА. Отец меня теперь от греха подальше к гостям не высылает, так я все дни у соседки сижу, домой только ночевать... И знаете, я у нее книгу одну прочитала, поэта Гура сочинение... Все как есть в стихах... "Поэма о горном цветке" называется. Читали?

РУМАТА. Угу...

КИРА. Там про то, как благородный принц полюбил прекрасную, но дикую девушку из-за гор. Она была совсем дикая и думала, что он бог, и все-таки очень любила его. Потом их разлучили, и она умерла от горя.

РУМАТА. Это замечательная книга.

КИРА. Я даже плакала. Они так любили, они так любили...

РУМАТА. Да. Любить они умели, раз умерли от любви.

Пауза.

РУМАТА. Кира, а ты хотела бы, чтобы тебя полюбил прекрасный принц?

КИРА (со вздохом). Что толку хотеть! Прекрасный принц меня не полюбит.

РУМАТА. А если принц... гм... не прекрасный!

КИРА. Нет. Мой принц - прекрасный.

РУМАТА. Ага, значит, принц все-таки есть?

КИРА. Есть.

РУМАТА. Ну, если он есть, то обязательно полюбит. Тебя нельзя не полюбить.

Кира встает.

КИРА. Зачем вы меня мучаете! Все знаете и мучаете...

Идет к выходу. Румата бросается за нею, хватая за плечо, поворачивает к себе.

РУМАТА. Ну, прости меня... Прости. Все, все знаю. Знаю и...

С громом каблучным в гостиную вваливается Аба, краснорожий, в подпитии, с боевым топором в руке. Румата отпускает Киру.

РУМАТА. Ты что это, любезный? Кто это тебя пустил?

Аба, не обращая на него внимания, подходит и Кире, хватая ее за руку и рывком тянет за собой.

АБА. А ну, домой, живо!

КИРА. Пусти... (Пытается вырваться.)

РУМАТА. Отпусти девушку, любезный!

АБА. Я вам не любезный, благородный дон! Я нынче солдат господина канцлера, его светлости! Я нынче на благородных-то поплеываю! (Кире.) Ну, сама пойдешь или волоком тянуть?

Кире вырывается, отскакивает от него.

КИРА. Никуда не пойду!

АБА. Ах ты, шлюха, подстилка дворянская!

Делает к ней шаг, но тут Румата хватается его за шиворот и закатывает ему оглушительную затрещину. Аба, выронив топор, катится по полу, ложится ничком и замирает. Румата смотрит на свои руки, взглядывает на Киру и снова на свои руки. Медленно подходит к лежащему Абе, наклоняется.

РУМАТА. Послушай...

АБА (плаксиво). Не бейте, благородный дон, не надо...

РУМАТА. Ты не ушибся?

АБА. Больно же, благородный дон, не бейте...

Румата снова глядит на свои ладони, с гадливостью вытирает их о штаны. В этот момент вбегает запыхавшийся Уно.

РУМАТА. Ты где был! Почему впустил!

УНО. Да коня чистил вашего, а тут сосед прибегает, говорит, серые в дом ворвались... (Наклоняется, берет Абу за шиворот.) А ну, поднимайся, чего разлегся?

Аба поднимается, заслоняясь локтями от Руматы.

АБА. Вы меня лучше не бейте, благородный дон...

РУМАТА. Да не буду, не буду, не бойся...

АБА. Я ведь что! Отец сестренку ищет... Туда-сюда, к соседке - нет ее! Ну, я и смекнул, где она может быть...

РУМАТА. Вот что, любезный. Если ты еще раз схамишь Кире...

АБА. Да нет же, благородный дон, это ведь как получилось! Отец, значит, ее хватился. Ну, туда-сюда...

КИРА. Я пойду, дон Румата.

Румата молчит. Кира, ни на кого не глядя, выходит.

АБА. Я, значит, что? Я, значит...

Румата достает золотой, сует ему в руку.

РУМАТА. Ступай, любезный. И смотри мне!..

АБА (осклабившись). Да ни в жисть! Покорно благодарим, благородный дон...

Подхватывает топор, выскакивает вон. Уно выходит следом. Румата стоит некоторое время, разглядывая ладони, затем подходит к столу, задумывается. Размышления его прерываются негодующими криками Уно и благодушным басистым ревом Будаха за сценой.

БУДАХ. Пошел, пошел, мальчишка, отдавлю уши!

УНО. Нельзя к нему, говорят вам!

БУДАХ. Брысь, не путайся под ногами!

УНО. Да нельзя же... Ох!

В гостиную вваливается Будах, волоча за собой вцепившегося в него Уно.

РУМАТА. Отец Будах! Как вы очутились в городе, дружище? Уно, оставь отца Будаха в покое...

БУДАХ. На редкость въедливый мальчишка... (Приближается к Румате с распростертыми объятиями.) Но верен, верен, ничего не скажешь... Дайте мне обнять вас! (Они обнимаются.) Я вижу, вы совершенно трезвы, мой друг... (Оглядывает стол.) Ну, еще бы... Впрочем, вы всегда трезвы. Счастливцев!

РУМАТА. Садитесь, мой друг. Уно, забери отсюда сладости и подавай обед!

УНО. Ученый человек, а дерется. Срам какой.

БУДАХ. Па-шел, волчонок, делай, что тебе хозяин велел... Да принеси пива! Я вспотел, мне нужно возместить потерю жидкости!

Уно, ворча себе под нос, удаляется. Румата и Будах усаживаются за

стол.

РУМАТА. Как вы здесь оказались, отец Будах? Ведь вам опасно появляться в городе, капитан Цупик и дон Рэба ищут вас.

БУДАХ. А, вздор! Мне надоело сидеть в вашей Угрюмой Берлоге. Захотелось проветриться... Между прочим, на днях мне удалось установить интереснейшую вещь. Хотя боюсь, для вас это будет не совсем...

РУМАТА. Ничего, я с удовольствием выслушаю вас...

Входит Уно, принимается накрывать на стол.

БУДАХ. Вы представляете себе треугольник, у которого один угол равен четверти окружности?

РУМАТА. Гм... Представляю.

Будах с сомнением глядит на него. Уно фыркает.

БУДАХ. Ну, хорошо. Так вот, мне удалось доказать, что сумма площадей квадратов, построенных на коротких сторонах такого треугольника... Вы следите за моим рассуждением?

РУМАТА. Самым внимательным образом.

Уно опять фыркает.

БУДАХ. Так вот. Сумма этих площадей в точности равна площади квадрата, построенного на длинной стороне. А?

РУМАТА (с искренним восхищением). Вы молодец, отец Будах!

БУДАХ. Значит, вы меня все-таки поняли! В жизни еще не встречал такого толкового дворянина. Как правило, вы все - непроходимое дубье. Впрочем, вы с самого начала показались мне личностью незаурядной...

УНО. А зачем это?

РУМАТА. Что "зачем"?

УНО. Да вот суммы эти, квадраты...

БУДАХ. Дубина молодая.

РУМАТА. Я после объясню тебе, Уно. Ступай.

Уно выходит, покачивая головой и посмеиваясь.

БУДАХ. Разрешите, мой друг... (Разливает по стаканам пиво, залпом выпивает). Недурное пиво... О чем бишь я?

РУМАТА. Вы говорили... (Неожиданно с силой бьет ладонью по столешнице.) Черт бы вас всех подрал!

БУДАХ. Что с вами, друг мой?

РУМАТА. Таракан! (Щелчком сбивает таракана со стола). Весь этот город заражен тараканами. Спасенья никакого нет.

БУДАХ. Будто у вас в Эсторе нет тараканов!

Входит Уно.

УНО. Там какая-то дона заявила, вас спрашивают...

РУМАТА (встает). Она?

УНО. Нет, другая совсем. Настоящая сука из благородных.

Будах хохочет.

РУМАТА. Я тебя когда-нибудь выпорю. Проси!

Уно выходит. Входит дона Окана.

РУМАТА. Дона Окана?

ОКАНА. Она самая, благородный дон! Отчаявшись заполучить вас к себе на вечерние блистания, отважилась посетить жилище кавалера разочарованного, обрекшего себя на одиночество...

РУМАТА. Радость нечаянная вдвойне говорит разбитому сердцу... (Церемонно подводит Окану к столу и усаживает в кресло). Осмелюсь просить вас, прекрасная дона, вкусить от скудной пищи моей и от скудного питья моего...

Будах придвигается к Окане.

ОКАНА. От ваших щедрот готова с благодарностью сердечной принять хотя бы и яд смертельный, но - увы! - я только недавно из-за стола. Но вы, благородный дон, не смущайтесь моим присутствием и вновь обратите поток благоволения вашего на оставленного в небрежении друга...

РУМАТА. Да, прошу извинения... Гм... Позвольте представить вам, прекрасная дона, моего старого знакомого, высокоученого монаха...

БУДАХ (кладет руку на руку Оканы). Барон шутит. А скорее всего ревнует. Ни какой я не монах, и мне можно все, что остальным мирянам. Прекрасная дона, меня зовут Будах... (Румата под столом с силой бьет его носком сапога по лодыжке. Будах подскакивает на месте.) Ох! Какого дьявола, барон! Вы что, с ума спятили? (Трет лодыжку.) Да, я - Будах, математик и поэт, и этим горжусь, хотя гиена эта, дон Рэба, нас терпеть не

может... И еще я немножко колдун, если угодно.

ОКАНА. И немножко государственный преступник, да? Я наслышана о вас, достопочтенный Будах.

БУДАХ. Надеюсь, вам говорили обо мне в лестном смысле...

ОКАНА. О да. Мне говорили, что вас разыскивает капитан Цупик.

БУДАХ. Серый хам.

РУМАТА. Отец Будах, мой друг, позвольте представить вам прекрасную очаровательницу и первую даму Арканара дону Окану, возлюбленную наперсницу и конфидентку орла нашего и канцлера дона Рэбы!

Будах отдергивает руку от Оканы. Некоторое время, раскрыв рот, смотрит на Окану, затем на Румату и снова на Окану.

БУДАХ. Ничего себе - приятное знакомство!

ОКАНА. Вы разочарованы?

БУДАХ (снова кладет руку на руку Оканы). Наплевать. Пусть меня сколько угодно разыскивают за стенами этого дома. В конце концов надо признать, что у этого вашего зловещего кретина совсем недурной вкус.

ОКАНА. У какого кретина?

БУДАХ. У зловещего. У вашего дона Рэбы. Так вот, пусть они там себе разыскивают, а мы здесь хорошенько повеселимся. Правда, мы, ученые, не в чести у благородных дур, но уверяю вас, моя красавица, я могу, я очень даже могу... Барон подтвердит.

РУМАТА. Да, отец Будах даст сто очков вперед самому галантному кавалеру Арканара.

БУДАХ. И постарается тут же, не сходя с места, это доказать... (Оглядывает стол.) Благородный дон, а нет ли в ваших погребах чего-либо более пикантного, нежели пиво?

РУМАТА. Отличная мысль. (Звонит в колокольчик. Вбежавшему Уно.) Подай вина. Эсторского, моего.

ОКАНА. Фи, эсторское... Слишком сладко и крепко.

РУМАТА. Даме подашь ируканского. А нам с отцом Будахом - моего. И быстро.

ОКАНА. Я согласна, будем веселиться. Но если под сень веселья беззаботного, когда забудем мы о мире горьких слез под властью поцелуев и вина, сюда явятся серые штурмовики...

БУДАХ. Ну, не советую я им являться сюда, когда я буду под властью поцелуев и вина...

ОКАНА. Вы будете драться? Как интересно!

БУДАХ. Мечом, правда, я владею средне, но в доме наверняка найдется что-нибудь вроде дубины. В молодости я неплохо дрался на дубинах... (Мечтательно.) Видели бы вы, как я проломил башку этому ослу, казначею Барканского монастыря! А он был большой мастер подраться! А как вы, барон?

РУМАТА. Что я?

БУДАХ. Как вы на дубинах?

РУМАТА. Как-нибудь мы с вами попробуем. Надеюсь, в грязь лицом не ударить...

ОКАНА. Фи, благородный дон! На дубинах!

Входит Уно с бутылками. Румата принимает у него бутылки, разглядывает.

РУМАТА. Так... Это ируканское, для прекрасной дамы. (Ставит перед Оканой стакан, наполняет.) А это - эсторское, для крепких голов и грубых желудков мужнин. (Наливает Будаху и себе.) Итак, за прекрасную даму!

ОКАНА. Благодарю, благородный дон... (Пьет маленькими глотками.)

Румата подносит свой стакан ко рту, кося глазом на Будаха. Тот крикает, набирает воздуха и выпивает залпом. Лицо его вытягивается, глаза вытаращиваются. Он заглядывает в стакан, затем смотрит на Румату.

БУДАХ. Дьявольщина! Какого черта, барон... (Румата пинает его под столом.) Ох! Ну... Да, крепко, крепко, ничего не скажешь. Глаза на лоб лезут... (Осторожно ставит стакан на стол,) боюсь, барон, что еще один такой стакан - и мне конец.

Румата осушает свой стакан и сейчас же снова наполняет все стаканы.

РУМАТА. Угощайтесь, отец Будах. Угощайтесь, мой славный друг.

БУДАХ. Благодарю вас, мой друг. Дайте передохнуть.

ОКАНА. Неужели так крепко?

БУДАХ. Это только мы можем выдержать, очаровательница... (Пытается обнять Окану за талию, та увертывается.)

ОКАНА. Вы слишком нетерпеливы, отец Будах... Лучше ответьте мне на один вопрос.

БУДАХ. Хоть на сто, моя прелесть!

ОКАНА. Вы ведь поэт, не так ли? Скажите, как это сочиняют стихи?

БУДАХ. М-м? Вы слышите, дон Румата? Ее интересует, как сочиняют стихи! Нет уж, это не меня надо спрашивать. Спросите лучше барона. После того как он прочел мне несколько своих стихотворений, я не смею называться поэтом в его присутствии...

РУМАТА. Отец Будах, вы смущаете меня, друг мой.

БУДАХ (залпом осушает стакан.) Ер-рунда!

ОКАНА. Так вы тоже поэт, благородный Румата?

БУДАХ. И еще какой! Возьмите, например...

Белеет парус одинокий
В тумане неба голубом.
Что ищет он в стране далекой,
Что кинул он в краю родном?

(Роняет голову на руки, бормочет.) Написать это и умереть...

ОКАНА. Восхитительно!

БУДАХ. Но и я кое-что могу! (Берет Окану за руку, проникновенно.)

"Зачем увяли все цветы в саду таинственном любви?.." Ну и так далее. А?

ОКАНА. Очень мило...

БУДАХ (отпускает ее руку). Впрочем, разумеется, сильная сторона отца Будаха не в этом. Налейте, дон Румата.

Румата наполняет его стакан. Будах выпивает залпом.

БУДАХ. Отец Будах кое-что может. Только больше не хочет. Да! Потому что все получается навыворот. А кто виноват, что навыворот?

ОКАНА. Кто?

БУДАХ. Он! Гиена наша дон Рэба! Вот смастерил я одно дело. Проволока с колючками. Скотный двор от волков. Хорошо. Еще умнейшая штука - мясокрутка. Нежный мясной фары. Прекрасно. А дон Рэба... Колючка, грит? Колючка. От волков? От волков. Хорошо, грит, молодец ты, отец Будах. И оплел колючкой рудники, чтобы рабы с рудников не бегали... Мясокрутка... И мясокрутку мою забрал. В башню. И теперь из грамотеев и мужиков нежный фарш делает... Очень, говорят, способствует...

Он хватает бутылку и пьет прямо из горлышка.

ОКАНА (тихо Румате). Ваш друг упился, благородный дон, я покину вас с вашего разрешения...

РУМАТА. Ни в коем случае. Ведь вы пришли ко мне?

ОКАНА. Да, я хотела поговорить с вами...

РУМАТА. Я сейчас все устрою... (Будаху.) Отец Будах, мой друг, вам следует отдохнуть с дороги.

БУДАХ. Отдохнуть? Мне?

РУМАТА. Непременно.

БУДАХ. Оставить эту прекрасную даму, эту очаровательницу?

ОКАНА. Мы еще увидимся с вами, почтенный отец Будах.

БУДАХ. В таком случае... Хорошо. Барон, она прекрасна, как заря. Вы верите?

РУМАТА. Конечно, верю... (Звонит в колокольчик.) Уно, постели отцу Будаху наверху, в моем кабинете. Да скажи... (Притягивает Уно к себе, что-то шепчет на ухо. Тот быстро-быстро кивает.) Ступайте, отец Будах, отдыхайте спокойно.

БУДАХ (встает, пошатываясь). Правильно. Пора на покой. Н-но! Я - отец Будах по прозвищу Будах Арканарский. Вот так. И пусть мне принесут к ложу моему кувшинчик пива. На всякий случай. Временно оставлю вас, превосходные дамы и господа...

Уно уводит Будаха. Окана пересаживается поближе к Румате.

ОКАНА. Наконец-то мы одни. Вы рады, благородный дон?

РУМАТА. Я рад видеть вас и наедине, и в обществе друзей...

ОКАНА. У вас забавные друзья, мой милый Румата.

РУМАТА. Вы находите?

ОКАНА. Забавные и... очень опасные.

РУМАТА. Возможно. Если дону Рэбе станет известно... Но я полагаюсь на вашу скромность, прекрасная дама.

ОКАНА. Благородный дон, вам нечего опасаться. Конечно, доносить модно, в Арканаре все доносят друг на друга, но сейчас...

РУМАТА. Да?

ОКАНА. Во-первых, сейчас все обстоит наоборот.

РУМАТА. Не понимаю, дона Окана.

ОКАНА. Ну... неизвестно, чей донос был бы страшнее.

РУМАТА. Я все-таки не понимаю.

ОКАНА. Глупый мальчишка! Если дон Рэба узнает, что я была у вас, мне конец!

Пауза.

РУМАТА. Гм... Он так ревнив, ваш дом Рэба?

ОКАНА. А ты полагаешь, что ты не достоин ревности?

РУМАТА. Не знаю... Никогда об этом не думал...

ОКАНА (грозит пальцем). Лицемер! А дуэль с доном Сэрой из-за доны Пифы? А поединок на копьях с доном Тамэо? Да у меня пальцев на руках и ногах не хватит, чтобы сосчитать...

РУМАТА. Я ни разу не был зачинщиком, поверьте мне, дона Окана!

ОКАНА. Вот именно. Ты получал мои письма?

РУМАТА. Д-да...

ОКАНА. Ты не ответил ни на одно мое письмо!

РУМАТА. Поверьте...

ОКАНА. Ты вынудил меня прийти сюда, бессердечный, ты сделал это нарочно!

РУМАТА. У меня и в мыслях не было...

Окана звонит в колокольчик.

ОКАНА (вбежавшему Уно). Никого не впускай и не входи сам, пока не позовут. Ступай! (Уно медлит, поглядывая на Румату.) Ну? Я кому сказала?

РУМАТА. Ступай, Уно... (Уно уходит.) Я преклоняюсь перед вашей красотой, прекрасная дона, но я никогда не подавал повода...

ОКАНА. Повод подаю я. Понимаешь? (Обнимает его.) Какой повод тебе еще нужен?

Румата крепко целует ее.

РУМАТА. Повод ослепительный, что и говорить... (Вытирает губы, смотрит на пальцы.) Почему вы все так краситесь?

ОКАНА. Все! (Вскакивает.) Кто еще?

РУМАТА. Нет-нет, не надо меня ревновать. Это я так, к слову пришлось... Все же, чем изводить столько краски, лучше бы мылись почаще.

ОКАНА. Вы издеваетесь надо мной, кавалер?

РУМАТА. Вовсе нет. Просто вы захватили меня врасплох.

ОКАНА. А что мне было делать? Я устала ждать!

РУМАТА. Вы увлекаете меня на опасный путь, дона Окана.

ОКАНА. Для тебя я просто Окана. Ты что, боишься?

РУМАТА. Признаться, да.

ОКАНА. Дона Рэбу!

РУМАТА. Признаться, нет.

ОКАНА. Тогда чего же... (Приникает к нему.) Я извелась, я потеряла стыд, пожалей меня!

Пауза.

РУМАТА. Я могу пожалеть тебя. Только...

ОКАНА. Что?

РУМАТА. Ты погибнешь.

Окана в ужасе отшатывается.

ОКАНА. Как... Почему я погибну?

РУМАТА. От любви. С непривычки. Для маленьких душ это слишком большая нагрузка.

ОКАНА. Нет, ты все-таки издеваешься...

РУМАТА. Прости. Я просто шучу. Не бойся.

ОКАНА. Я хочу, чтобы ты любил меня.

РУМАТА. А! Это другое дело. Ладно, пусть будет по-твоему.

Охватывает ее левой рукой за плечи, а правой принимается вытирать ее лицо носовым платком. Окана после секундного замешательства принимается отбиваться.

ОКАНА. Пусти!.. Что ты делаешь!

РУМАТА. Не дергайся. Привожу тебя в человеческий вид.

ОКАНА. Пусти! Дьявол! Дьявол!

Румата отпускает ее, отбрасывает платок и критически оглядывает ее лицо.

РУМАТА. Вот. Теперь ты более или менее в норме.

Окана достает зеркальце, смотрится.

ОКАНА. Что ты наделал, исчадие ада? Во что ты меня превратил?

РУМАТА. В живую женщину. Теперь тебя, пожалуй, можно любить.

ОКАНА. Хорошо. Люби.

РУМАТА. Минуточку. Соберусь с силами.

Откидывается на спинку кресла, закрывает глаза. Окана смотрит на него.

ОКАНА. Румата!

РУМАТА. Да, дорогая!

ОКАНА. Я не понимаю... Что я тебе, когда у ног твоих все красавицы мира?..

РУМАТА. Ну, это уж преувеличение. Это было бы ужасно. Ходить по красавицам...

ОКАНА. Ты что же, вообще не можешь... любить?

РУМАТА (открывает глаза, резко выпрямляется). Ну уж нет! Не могу любить! Еще как могу! Очень даже могу, как говорит наш друг отец Будах!

ОКАНА. Я не о том. Я о сердце. У тебя есть сердце!

РУМАТА. Есть. И печень есть. И все остальное, что полагается. Но ты понимаешь... Как бы это тебе объяснить... В самом большом сердце уместается всего одна любовь... Нет, боюсь, тебе этого не понять.

ОКАНА. Почему же? Я все поняла. Я ее видела... Та самая простушка в платье времен прошлого регентства, которая вышла из твоего дома два часа назад... (Пожимает плечами.) Право, у мужчин такие странные вкусы...

РУМАТА. На мой взгляд, она очень недурна...

ОКАНА. Да, пожалуй... Стройненькая, личико чистое... Моется, наверное, часто...

РУМАТА. Мне тоже так показалось...

ОКАНА. Правда, великоваты руки... и походка, как у... как у рыбачки...

РУМАТА. Да, сегодня я тоже это заметил. Должно быть, она не привыкла к дамской обуви...

ОКАНА. Должно быть... И этот ее наряд! Смотреть на нее было забавно и поучительно... (Наклоняется и Румате, доверительно кладет руку ему на колено.) Это пройдет быстро, благородный дон. А я умею ждать. Я не буду терять надежды...

РУМАТА. Не уставай надеяться... (Встает, берется за бутылку.) Позвольте угостить вас, прелестнейшая дона! (Разливает по стаканам.) Совершенно пересохло в глотке...

ОКАНА. Что вы делаете, кавалер? Вы наливаете мне эсторское? Я же сказала вам, что не пью крепкого...

РУМАТА. Я тоже не пью крепкого. Это не эсторское, это клюквенный морс...

ОКАНА. Но...

РУМАТА. Отцу Будаху было необходимо срочно покинуть мой дом. И вообще город. Не мог же я поить его эсторским! Чего доброго, он бы свалился с лошади где-нибудь по дороге... А так он благополучно скачет сейчас по одному из двенадцати Арканарских трактов милях в двадцати от городских стен...

Окана встает.

ОКАНА. До свидания, благородный дон. В вашем обществе я испытала истинное наслаждение, сравнимое лишь с восторгами, кои вызывает у нас пребывание под сенью райских кущ, даруемыми нам - увы! - только во снах наших...

Румата молча кланяется. Окана идет к выходу, разглядывая свое лицо в зеркальце.

ОКАНА (в дверях) Всю краску размазал, дурак... (Выходит.)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Гостиная в доме Руматы. Входит, вытирая на ходу лицо и руки

полотенцем, Румата - в цветастых штанах, в чулках и башмаках с пряжками, в расстегнутой до пупа сорочке с кружевными манжетами. За ним следует Уно с барским камзолом в одной руке и с огромным гребнем в другой.

УНО (ворчит). У всех, как у людей, только у нас с выдумками... Где это видано - в двух сосудах мыться! В отхожем месте горшок какой-то придумали... Полотенце им каждый день чистое... Простыни подавай накрахмаленные... А сами, не помолившись, каждое божье утро голые по комнате скачут, руками машут, ногами выше головы дрыгают...

Румата швыряет ему полотенце, берет гребень и принимается причесываться.

РУМАТА. Я при дворе, не деревенщина вшивая. Придворный должен быть чист и благоухать.

УНО. У его малолетней светлости только и интересу, что вас нюхать. А вот дон Рэба и вовсе никогда не моются. Сам слышал, ихний лакей рассказывал... Не моются, зато молятся, во как.

РУМАТА. Ладно, перестань бурчать... Давай камзол... (Облачается в камзол, неторопливо застегивается.) Кто-нибудь заходил?

УНО. Из благородных никто не пожаловал... (Останавливается.) А вот приходили от рыбника, из пекарни... (Снова останавливается. Румата вопросительно глядит на него.) Требуе задолженности погасить. Как сговорились все. И от молочника... и кондитер...

РУМАТА. Так-так-так, интересно. Ты расплатился с ними?

УНО. Еще чего! Будете со всеми расплачиваться - сами без штанов останетесь. Подождут.

РУМАТА. Уно!

УНО. Ну что Уно! Что Уно! (понижив голос.) Сами знаете, в городе нынче нехорошо. Не время сейчас долги отдавать. Видите, как они всем скопом на нас навалились: плати, дескать! Узнали что-то такое, не иначе, заторопились...

РУМАТА. Соображаешь, дружок, это хорошо... Ну что ж, подавай завтрак в таком случае.

УНО. Шпагу вашу я на диван положил... (Выходит и сразу же торопливо возвращается.) Кира пришла!

РУМАТА. Кира! Так веи ее сюда, что же ты!

Уно выходит и возвращается с Кирой. Кира одета по-прежнему простолюдинкой, в руке маленький узелок. Румата подбегает к ней, хватает за плечи, глядит в запрокинутое лицо. Уно деликатно удаляется.

РУМАТА. Почему ты плакала? Кто тебя обидел?

КИРА. Никто меня не обидел.

РУМАТА. Нет, ты скажи, почему ты плакала?

КИРА. Уедем отсюда.

РУМАТА. Обязательно.

КИРА. Когда мы уедем?

РУМАТА. Я еще не знаю, маленькая. Но мы обязательно уедем...

КИРА. Далеко?

РУМАТА. Очень далеко. Ко мне.

КИРА. Там хорошо?

РУМАТА. Там дивно хорошо. Там никогда никого не обижают.

КИРА. Так не бывает.

РУМАТА. Бывает.

КИРА. А какие там люди?

РУМАТА. Люди? Обыкновенные. Как ты. Как я.

КИРА. Все такие, как ты?

РУМАТА. Не все, конечно. Есть много других, гораздо лучше.

КИРА. Вот это уж не бывает!

РУМАТА. Вот это уж как раз бывает!

КИРА. Почему тебе так легко верить? Отец никому не верит. Аба говорит, что все свиньи, только одни грязные, а другие нет. Но я им не верю, а тебе всегда верю...

За окнами раздается треск барабана и тяжелый грохот марширующих сапог. Кира вздрагивает и прижимается лицом к груди Руматы.

КИРА. Я больше не могу дома. Я больше не вернусь домой. Страшно мне дома. Можно, я у тебя служанкой буду! Я даром, мне от тебя ни гроша не надо...

РУМАТА. Успокойся, лапочка... Успокойся...

Усаживает ее в кресло. Входит Уно, принимается накрывать на стол.

КИРА. Дом с утра до ночи полон этик... серых... Пьют, песни орут... и все приводят, приводят... Вчера приволокли каких-то, семью, видно, целую... старика, двух парней, женщину молодую... Били их, так били, Румата, все кровью забрызгали... Они уж и кричать перестали... Не могу я так, не вернусь, лучше убей меня!

Пауза. Уно, застыв у стола, исподлобья глядит на Румату. Румата поворачивается к нему, негромко.

РУМАТА. Кира будет жить у нас. Отведешь ее в угловой покой. Дашь ей мужское платье... из своего, понаряднее, вы с нею одного роста. Жить будет под видом моего пажа, имя потом придумаем... Если болтать за воротами станешь, язык вырву...

УНО. Еще чего, болтать...

РУМАТА. Вот так-то (Кире.) Ступай, маленькая, переоденься, прическу перемени и приходи сюда, будем завтракать...

КИРА. В мужское? Так ведь грех это... И не сумею я...

РУМАТА. Этот грех простится тебе... А Уно поможет.

КИРА. Не хочу! Он не маленький, как он мне помогать будет?

Уно фыркает, мотает головой.

РУМАТА. Не капризничай!

КИРА. Я даже при брате родном переодеваться не стала бы, а при Уно и подавно... Не маленький он - помогать мне одеваться!

РУМАТА. Ладно. Очевидно, самый маленький здесь - я. Пойдем, я тебе помогу.

КИРА. Ой, не надо, Румата, что ты! Сама я... (Поворачивается к Уно.) Давай свои штаны...

УНО. Пойдем...

Кира и Уно уходят. Румата подходит к столу, барабанит по скатерти пальцами.

РУМАТА. Все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас и взять в качестве заложника... Кира, ах, Кира, Кира... (Застывает, прислушиваясь.) Что такое!

Входит Уно, держась за щеку.

УНО (мрачно). Все исполнено. Дал ей одежду.

РУМАТА. Что случилось!

УНО. Ничего не случилось. Стал показывать, как штаны зашнуровывать... главное, сама же попросила показать... а она как влепит!

РУМАТА. Значит, не деликатно показывал.

УНО. Чего там - не деликатно...

РУМАТА. Ладно, ступай. Да никого в дом не пускай. Хоть герцог, хоть черт, хоть сам дон Рэба!..

Уно уходит. В ту же секунду с другой стороны в гостиную входит сгорбленный монах в черной рясе с капюшоном, надвинутым на лицо. Румата круто поворачивается к нему.

РУМАТА. Кто ты такой? Кто тебя пустил?

МОНАХ (откидывает капюшон): Доброе утро, благородный Румата.

РУМАТА. Ловко! Добрый день, славный Арата. Почему вы здесь? Что случилось?

АРАТА. Все как обычно. Моя крестьянская армия разбрелась, все делят землю, на Арканар идти никто не кочет. Маршал Тоц собирает своих недобитых латников и скоро развесит моих мужиков вверх ногами вдоль Приморского тракта, Все как обычно.

РУМАТА. Понятно... Садитесь, Арата. (Арата садится за стол, Румата придвигает к нему кушанья.) Подкрепляйтесь.

АРАТА. Благодарю... (Принимается за еду.) Иногда мне кажется, что мы бессильны. Я вечный главарь мятежников, и я знаю, что вся моя сила в необыкновенной живучести... (В гостиную тихо входит Кира и останавливается. Арата и Румата не замечают ее. Она уже в мужском костюме, волосы подобраны под берет.) Но эта сила не помогает моему бессилию. Мои победы волшебным образом оборачиваются поражениями. Мои боевые друзья становятся врагами, самые храбрые бегут, самые верные предают или умирают. И нет у меня ничего, кроме голых рук, а голыми руками не достанешь раззолоченных свиней, сидящих за крепостными стенами... (отодвигает тарелку.) Спасибо, благородный Румата.

РУМАТА. Как вы здесь очутились?

АРАТА. Приплыл с монахами.

РУМАТА. Вы с ума сошли. Вас же так легко опознать...

АРАТА. Только не в толпе монахов. Половина из них юродивые или увечные, как я. Калеки угодны богу.

РУМАТА. Ну, хорошо. И что же вы намерены делать? Свести счета с доном Рэбой?

АРАТА. Счета? (Смотрит на свои пальцы.) Да, он вырвал мне ногти в своей канцелярии, когда я попался к нему в первый раз, и хотел четвертовать меня, когда я попался во второй... Но мало ли с кем у меня счета? С Соанскими богатеями - они выжгли мне клеймо на лбу... С каким-то бароном из метрополии - он выбил мне глаз булавой в битве под Эстором... С графом Убанским - у меня горб от его железных палок... Нет, дело не в моих счетах. Но дон Рэба зарвался. Не пройдет и года, как простой люд герцогства Арканарского полезет из своих нор с вилами и топорами - драться с серой сволочью. И снова поведу их я, чтобы они били тех, кого надо, а не друг друга и всех подряд...

РУМАТА. Вам понадобятся деньги...

АРАТА. Да, как обычно. И оружие... (Вкрадчиво.) Дон Румата, помните, после моего чудесного спасения на ваших крыльях вы рассказали о себе... даже показали в небе звездочку, откуда вы к нам явились... Признаться, я был огорчен. Я ненавижу попов, мне было горько, что их лживые сказки оказались правдой. Но бедному мятежнику надлежит извлекать пользу из любых обстоятельств. Попы говорят, что боги владеют молниями... Дон Румата, мне очень нужны ваши молнии, чтобы разбивать крепостные стены.

Пауза.

РУМАТА. Это невозможно. У меня нет молний.

АРАТА. Тогда дайте мне ваши крылья... Нет? Ладно, мы еще вернемся к этому разговору. (Поднимается.) Мне пора, благородный дон. Спасибо за угощение.

Румата молча достает из стола мешочек с деньгами. Арата также молча берет мешочек, прячет за пазуху и поворачивается, чтобы идти. Останавливается.

АРАТА (оборачиваясь). Между прочим, дон Румата...

РУМАТА. Да?

АРАТА. Я знаю, богам люди не страшны... но хочу все же предупредить вас: дон Рэба что-то готовит. Надвигается гроза.

РУМАТА. Вот как?

АРАТА. Монахи. В Арканар съехалось множество монахов. Большинство иноземцев.

РУМАТА. Это интересно...

АРАТА. У многих монахов под рясами оружие...

РУМАТА. Вы опасаетесь переворота?

АРАТА. Опасаюсь? Я? Серые или черные - не все ли равно, кого рубить?

Арата уходит. Румата глядит ему вслед, затем оборачивается и видит Киру, которая во все глаза смотрит на него. Он быстро подходит к ней.

РУМАТА. Ну как, переделась? Ты знаешь, тебе идет...

КИРА. Румата, я все слышала!

РУМАТА. Что ты слышала?

КИРА. Румата, это правда? Ты правда бог с далекой звезды?

РУМАТА. Ну что ты, дурочка.

КИРА. Но он говорил...

РУМАТА. Ты не поняла. Это было иносказание.

КИРА. Но ведь он...

РУМАТА. Про молнии и про крылья... Это он все в духовном смысле. Крылья души, молнии мысли, звезды надежды...

Кира садится в кресло.

КИРА. Иногда я не могу понять, почему ты не бьешь меня.

РУМАТА. То есть как это - почему не бью? Разве тебя можно бить?

КИРА. Ты не просто добрый, хороший человек. Ты еще и очень странный человек. Ты действительно словно архангел. Без иносказаний...

РУМАТА. Ты помнишь "Поэму о горном цветке"? Прекрасная дикарка тоже думала, что он - Бог.

КИРА. И все-таки любила его...

Румата садится рядом с Кирой, обнимает за плечи.

РУМАТА. Бедная моя дикарка. Тебе так хочется, чтобы я был Богом? И не страшно?

КИРА. Когда ты со мной, я делаюсь смелой. Сейчас вот я смелая. И я спрашиваю тебя, Румата: ты - не сейчас, а потом, когда все уладится, - расскажешь мне о себе?

Пауза.

РУМАТА. Да. Когда-нибудь я расскажу тебе все, маленькая.

КИРА. Я буду ждать... А сейчас, если можно... (Утыкается лицом в его грудь.) Поцелуй меня...

Румата целует ее. С трудом отрывается, встает, трясет головой.

РУМАТА. Не время... Кира, ах, Кира, не время сейчас... (Звонит в колокольчик. Вбегает Уно.) Уно, слушай меня внимательно. Быстро собери необходимое из вещей, возьми все деньги, что есть в доме, седлай коней. Выбирайтесь с Кирой из города, скачите в Угрюмую Берлогу, там располагайтесь и ждите...

Кира вскакивает, подбегает и нему.

КИРА. А ты?

РУМАТА. Мне нужно быть здесь... Обо мне не беспокойтесь. Ждите меня четыре дня. Если не дам о себе знать, тогда... ты слушаешь, Уно?

УНО. Слушаю, хозяин.

РУМАТА. Если через четыре дня я не дам о себе знать, полезай в подпол...

Уно пятится, выставив перед собой дрожащие руки.

УНО. Не надо, хозяин... я не смогу...

РУМАТА. Молчи, дурак! Слушай, что тебе говорят!..

Он обрывает себя, прислушивается. За окнами гостиной возникает многоголосый рев. На стеклах вспыхивают отблески багрового пламени. Румата подбегает к окну, всматривается.

РУМАТА. Так, дело дрянь. Похоже, началось... Уно, Кира, бегом на чердак, уходите по крышам...

КИРА. Румата!

РУМАТА. Спокойно, маленькая, спокойно... Уно, что же ты стоишь как столб? Бегите, я прикрою... (Хватает с дивана шпагу.) За меня не бойтесь, бегите!

Множественный грохот сапог. Что-то с треском рушится за сценой, в гостиную вбегают штурмовики во главе с Цупиком.

РУМАТА. Назад!

Штурмовики в замешательстве останавливаются.

ЦУПИК. Дон Румата, вы арестованы! Именем герцога! Отдайте оружие!

РУМАТА. Возьмите!

ЦУПИК. Взять его!

Штурмовики разом кидаются на Румату, Кира визжит. Несколько секунд длится свалка, затем штурмовики откатываются. Румата, слегка встрепанный, стоит на прежнем месте со шпагой в руке, возле него на полу валяются несколько топоров.

РУМАТА. Сунетесь еще раз - буду отрубать руки! А ну, прочь отсюда!

И тут Цупик одним прыжком подскакивает к Кире, хватает за плечо и упирает ей в бок шпагу. Уно пытается помочь Кире, но падает от здорового пинка и замирает ничком, подвернув под себя руки.

ЦУПИК. Бросай оружие, благородный дон, не то я продырявлю кишки этой твоей девке в штанах!

КИРА. Отпустите! Отпустите меня, подлый человек!

РУМАТА. Отпусти ее, Цупик...

ЦУПИК. Как бы не так! Ей и со мной хорошо...

Штурмовики гогочут. Румата делает осторожный шаг к Цупику.

ЦУПИК. Стоять на месте!

РУМАТА. Тебе будет плохо, бакалейщик.

КИРА (пытаясь вырваться). Бей их, Румата! Не давайся им, они тебя убьют!

ЦУПИК. Не дергайся, тварь!

КИРА. Бей их, бей! Пусть лучше я умру! Бей!

ЦУПИК. Бросай оружие, барон! Считаю до трех, затем кишки наружу. Ну! Раз...

Румата бросает шпагу. В ту же секунду в гостиную в сопровождении двух монахов в черных рясах входит дон Рэба - прямой, как доска, в сером узком

мундире.

РЭБА. Ну, что тут у вас? Закончили? Связать и ко мне в канцелярию.

Штурмовики осторожно приближаются к Румате, на ходу разматывая веревки. Цупик по-прежнему крепко держит Киру, уперев ей в бок шпагу.

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЯТАЯ

По авансцене перед закрытым занавесом монахи и штурмовики проводят группу связанных горожан, по виду ремесленников. Двое штурмовиков волокут под руки дворянина в растерзанной одежде, с окровавленным лицом. Проходит с озабоченным лицом Цупик, за ним, цепляясь за полы его серого мундира, семенит Хозяин "Серой Радости".

ХОЗЯИН. Верните дочку, господин капитан, не виновата она!

ЦУПИК. Пошел, пошел... Дочь твоя - шлюха, штаны надела, и с нею будет поступлено соответственно...

ХОЗЯИН. Ну, надела... ну, штаны... Я сам ее выдеру... Отпустите ее, сделайте милость, господин капитан...

ЦУПИК. И без тебя найдется, кому выдрать... Двести палок по обнаженным мягким местам, больше не на что штаны надевать будет...

Аба в сопровождении двух монахов проводит связанного и избитого Будаха.

БУДАХ. Серая шпана... Сукины дети... мокрицы мокрые... лишаи серые!

АБА (подталкивая его в спину топориком): Пой, пой, книжечей, на колу еще не так запоешь...

Проходят. Занавес раздвигается.

Сцена погружена во тьму. Посередине в луче прожектора сидит Кира, возле нее лежит избитый до бессознательности Уно. Кира держит голову юноши у себя на коленях. Слышится лязг засовов. Кира настороженно поворачивает голову, вглядывается в темноту.

ГОЛОС БУДАХА. Нудная сволочь... бакалейщики вшивые...

Снова лязг засовов.

КИРА. Это вы, отец Будах?

ГОЛОС БУДАХА. Я. Кто это там? Черт, ничего не вижу. Ты где?

КИРА. Это я, Кира! Сюда, сюда идите!

Связанный Будах вступает в круг прожекторного света.

БУДАХ. Кира! Ты-то как сюда попала?

КИРА. Взяли меня... У донна Руматы...

Будах неуклюже, с кряхтеньем садится рядом с нею.

БУДАХ. Вот так так... А меня в трактире... Черт меня дернул в город притащиться... Ну и творится же в городе, я тебе доложу... Ты давно здесь?

КИРА. Не знаю... Взяли в полдень...

БУДАХ. Ну, сейчас вечер уже... (Уно стонет.) Кто это здесь еще?

КИРА. Уно. Слуга донна Руматы. Избитый весь, лежит без памяти, а я не знаю, что делать... (Всхлипывает.) Боюсь, помрет...

БУДАХ. Эх, руки у меня связаны... Слушай, а ты?

КИРА. Что?

БУДАХ. Лапочка, да ты же, поди, не связана!

КИРА. Нет...

БУДАХ. Так развяжи меня, что ты сидишь? Вот уж дура, прости меня господи...

Кира принимается на ощупь развязывать Будаха. Веревки падают, Будах с наслаждением распрямляет плечи, потягивается.

БУДАХ. Вот это славно... Вот за это спасибо... Ну, мы еще теперь посмотрим, мы им еще выдадим... Ладно. Где тут этот мальчишка? (Нащупывает голову Уно, принимается осторожно ощупывать его тело. Уно вскрикивает, стонет.) Так... так... Видно, ребра ему изрядно попортили... Гм... Кровь здесь... Ага!

КИРА. Ну, что с ним, отец Будах? Он не умрет?

БУДАХ. Не умрет. Парень жилистый, я его знаю... Оторви от юбки лоскут.

КИРА. Я... У меня... Я не в юбке, отец Будах...

БУДАХ. Как это - не в юбке? Тебя что, голую взяли?

КИРА. Срам вам говорить такое... В штанах я... в мужском...

БУДАХ. Тьфу на тебя... Мне лоскут материи нужен, рану мальчишке перевязать, а она о глупостях... От штанов оторви!.. погоди, я сам сделаю... (Выпроставляет из штанов нижнюю сорочку, с треском отрывает подол.) Вот так... А теперь перевяжем... (На ощупь, но искусно перевязывает юноше рану на голове.) Бедолага, досталось ему...

КИРА. Отец Будах, что с нами будет?

БУДАХ. Меня, наверное, на кол посадят... Или сожгут живьем, это они умеют, час назад своими глазами видел... А за себя, лапочка, не беспокойся. Ну, может, выпорют...

Кира плачет в голос, уткнувшись лицом в его плечо. Он ласково гладит ее по голове. Кира вдруг перестает плакать и выпрямляется.

КИРА. Нет! Не даст он вам погибнуть!

БУДАХ. Кто?

КИРА. Румата!

БУДАХ. Он что же - спасся? Бежал?

КИРА. Нет, его взяли... Сам дон Рэба... Но все равно, он нас всех спасет!

БУДАХ. Да, да, конечно. Дон Румата такой, он все может...

КИРА. Я серьезно говорю, отец Будах! Он все может!..

Лязг засовов. Появляется монах с фонарем, приближается к узникам, Будах весь подбирается.

МОНАХ. Мальчик из дома Руматы.

БУДАХ. Здесь он. Только без памяти. Вы ему все ребра переломали.

МОНАХ. Это не есть правда. Ломать ребра - не мы. Серые. Мы никогда не ломаем кость.

БУДАХ. Ну, еще бы... Вы добрые.

МОНАХ. Ты говоришь глупое, книгочей и колдун. Ломать кость - легкая смерть. Мы не ломаем кость. Только в битве. Нет битвы - не ломаем. Мы вынимаем глаза. Снимаем кожу. Вырываем ногти. Кость - нет. Довольно болтать... (Поднимает фонарь.) Ты врешь, книгочей и колдун. Мальчик не есть без памяти... (Берет Киру за плечо.) Вставай. Иди со мной. Тебя будет видеть госпожа.

КИРА. Я...

МОНАХ. Если разговаривать, я выломаю зубы. Вставай, иди.

БУДАХ. Ступам, Кира... Хуже не будет... Может, выпустят...

Кира встает. Монах, подталкивая ее в спину, ведет к двери.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Апартамент дона Рэбы. В кресле сидит, положив ногу на ногу, Окана в роскошном придворном платье, рассматривает ногти. Входит монах в черной рясе с капюшоном.

МОНАХ. Приказание выполнено, госпожа.

ОКАНА. Пусть введут.

Монах, поклонившись, выходит. Сейчас же другой монах, со шпагой наголо, вводит Киру.

МОНАХ СО ШПАГОЙ. Мальчик из дома Руматы.

Окана взглядывает на Киру, вскакивает, подходит и ней вплотную.

ОКАНА. Но это же не он! Это совсем другой!

КИРА. Другой не может... Он без памяти... Но я тоже из дома Руматы.

ОКАНА. Интересно... (Обходит Киру кругом.) Где-то я тебя видела, красавчик... (Монаху.) Иди. (Монах уходит.) Ну, хорошо, давай побеседуем... (Берет Киру за руку, подводит к креслам, усаживает, садится рядом.) Значит, ты тоже из дома Руматы... Кто же ты?

КИРА. Я... Я его паж...

ОКАНА. Ах, вот как... Паж... Определенно, я где-то тебя видела. Мил,

очень мил! Невинной юности пушок на розовых щеках... Вот только глаз тебе подбили, но это пройдет... Если будешь вести себя хорошо, так и быть, возьму тебя к себе...

КИРА. Я ни к кому не пойду от дона Руматы.

ОКАНА. Ты так предан ему? (Кира молчит.) Ну-ка, посмотри на меня! Нет, где же я тебя видела!.. Ты знаешь, в твоём нежном возрасте лучше служить прекрасной госпоже, нежели самому прекрасному господину. У меня тебе будет хорошо. Да, решено. Беру тебя к себе. Но сначала о доне Румате. Ты у него давно?

КИРА. С самого начала.

ОКАНА. С какого начала?

КИРА. Ну... с того дня, когда он приехал в Арканар.

ОКАНА. Ого! Почему же я ничего о тебе не знаю?

КИРА. Разве вы все знаете про дону Румату?

ОКАНА. Все. И кое-что сверх всего. Но спрашивать буду я. Итак, ты все время при нём... Рассказывай, как он живет, много ли пьет, с кем встречается?

КИРА. Вы же сказали, что все о нём знаете...

ОКАНА. Ты очень дерзкий мальчишка, но у тебя красивые глаза. Ничего, мы поладим. Итак?

КИРА. Что - итак?

ОКАНА (топает ногой): Не зли меня! Кто у него любовница?

КИРА. У него нет любовницы.

ОКАНА. Врешь, красавчик. Во-первых, этого быть не может. Такой превосходный кавалер, сразу видно столичное обхождение... В нашем маленьком Арканаре любая дама почтет за честь... Он же не железный, твой дон Румата!

КИРА. Многие его домогались, да никому ничего не удалось...

ОКАНА. А эта простушка, трактирщица? Я как-то видела её, ходит в обносках моды столетней давности, ковыляет, как уточка из-под селезня... Не может быть, чтобы ты её не знал. Выкладывай, не стесняйся. Как у него с нею?

КИРА. Ничего такого не знаю... Да! Вспомнилось! Дней сорок назад заявила было к нему этакая придворная фря, разодетая, как кукла, накрашена, надушена, шея от грязи и пудры серая...

ОКАНА (поднимается): Что-о?

КИРА; Я сама не видела, мне Уно рассказывал, наш слуга. Дон Румата очень потешался...

ОКАНА (пристально глядит на Киру): "Не видела..." Ну да, вот кто ты, оказывается... Теперь вспомнила. Ах ты сучонка! Холопка! Оскорбительница! В мужское нарядилась, так думаешь, тебя уже и не узнать?

КИРА (тоже встает): Чего разоралась? Ну да, меня зовут Кира, и я - единственная возлюбленная благородного дона Руматы, а тебе - шиш! (Делает оскорбительный жест.)

ОКАНА. Кто тебе глаз подбил? Смотри, сейчас и другой подобью! (Хватает из-за пояса кинжал). Я тебе сейчас оба глаза выколю, дрянная подзаборная!

КИРА (хватает со стола дону Рэбы медную статуэтку, замахивается): Попробуй подойди, золоченая сволочь! Все твои мозги по стенам раскидаю!

Несколько секунд они стоят в угрожающих позах, затем Окана швыряет кинжал на пол, падает в кресло и закрывает лицо руками.

ОКАНА. И ведь ничего не стоит - кликнуть стражу и тебя вывесят голую вверх ногами на вершине башни... сварят живой в масле... сожгут на костре...

КИРА (аккуратно ставит на место статуэтку): Да, ничего не стоит. Все в ваших руках, прекрасная донна.

ОКАНА. Но к чему это все? (Опускает руки, оглядывает Киру с новым интересом.) Да, ты хороша собой... и мужской костюм тебе идет... И все-таки я не понимаю... Слушай, Кира, жизнь дона Руматы на волоске, ты знаешь?

Кира энергично трясет головой...

КИРА. Нет. С ним ничего не случится. Правда, его взяли... подло, предательством, из-за меня... но это все равно. Я могу погибнуть, вы можете погибнуть, но он все равно всех ваших победит.

ОКАНА. Почему? Каким образом? Никто еще не уходил живым из рук дона

Рэбы!

КИРА. Никто. А дон Румата - он уйдет. А дон Рэба... Ну что ж - дон Рэба... Это как паук, к которому в паутину оса попала...

ОКАНА. Не понимаю. Ты можешь изъясняться яснее, дерзкая девчонкам?

КИРА. Не могу, прошу прощения.

В апартамент входят Рэба и Цупик.

РЭБА. Ага. Я вижу, здесь уже ведут следствие.

ЦУПИК. С этой стервой никакого следствия не требуется, господин канцлер, ваша светлость. Эту паршивую девку надо отправить денька на два в мои казармы, а потом врезать ей две сотни по мягкому и выгнать из города...

РЭБА. Интересное предложение. Заслуживает внимания. Как вы считаете, дона Окана?

ОКАНА. Не будем торопиться. Я забираю ее к себе.

ЦУПИК. Вот еще! Я сам ее взял, я и буду распоряжаться, прекрасная дона! Это моя добыча! Всякие здесь будут махать кулаками после драки...

ОКАНА. Вы пьяны, капитан Цупик. Не забывайтесь.

ЦУПИК. Это вы не забывайтесь, дона! Кончилось придворное житье, всякие там фигли-мигли...

ОКАНА. Молчите, бакалейщик!

ЦУПИК. Придержали бы язычок, прекрасная дона... Был я бакалейщиком, а ныне мне только свистнуть стоит...

РЭБА. Не будем ссориться, друзья. У нас дела поважнее, нежели наказание этой бесстыжей в мужском костюме... Не правда ли, капитан?

ЦУПИК. Пусть скажут спасибо... А то как бы еще кое-кому не прогуляться в казармы...

РЭБА. Вот и хорошо. Дона Окана, забирайте эту девчонку к себе и глаз с нее не спускайте. Вы поняли? Не спускайте с нее глаз.

ОКАНА. Поняла. (Кире.) Идем.

Окана и Кира уходят. Рэба садится за свой стол, Цупик валится в кресло сбоку. Рэба звонит в колокольчик. Входит монах в рясе с капюшоном.

РЭБА. Приведите дону Румату.

Монах исчезает. Аба и еще один штурмовик вводят связанного Румату - без камзола, в разорванной сорочке. За ними входят двое монахов.

РЭБА. А вот и благородный дон Румата. Наш старый и весьма последовательный недруг.

ЦУПИК. Раз недруг - повесить!

Штурмовики ставят Румату перед столом и, отступив, становятся справа и слева от него. Монахи застывают рядом со штурмовиками.

ЦУПИК. Или еще лучше - сжечь! Нужно сохранять у черни уважительное отношение к высшим сословиям. (Хихикает.) Все-таки отпрыск древнего рода...

РЭБА. Хорошо. Договорились, сжечь.

ЦУПИК. Впрочем, дон Румата может облегчить свою участь. Вы меня понимаете, дон Рэба?

РЭБА. Не совсем, признаться...

ЦУПИК. Имущество. Эсторские Руматы - богатый род!

РЭБА. Вы, как всегда, правы, почтенный капитан. Что же, тогда начнем по всей форме...

РУМАТА. Развяжите мне руки.

Цупик вздрагивает, отчаянно мотает головой.

РЭБА. А? (Смотрит на Цупика.) Я вас понимаю, капитан. Но если принять некоторые меры предосторожности... Развязать его.

Один из монахов подсказывает к Румате и развязывает его. Цупик поспешно вытаскивает шпагу, штурмовики берут топоры на изготовку.

РУМАТА (растирая затекшие руки): Предупреждаю, герцог будет поставлен в известность об этом безобразии. Самоуправное вторжение в дом благородного дворянина...

РЭБА. Герцогу это известно. Собственно, мы действуем по его приказу...

ЦУПИК (злорадно): Вот так-то, благородный дон!

РЭБА. Итак, начнем. Ваше имя, род, звание?

РУМАТА. Восемнадцатый барон Румата дон Эстор... (Озирается. Повелительно Абе.) Кресло! Аба обалдело роняет топор, кидается к ближайшему креслу, придвигает Румате.) Благодарю. (Садится.)

ЦУПИК (ворчит): Болван...

РЭБА. Продолжим. Сколько вам лет?

РУМАТА. Двадцать пять.

РЭБА. Когда прибыли в Арканар?

РУМАТА. Год назад.

РЭБА. С какой целью?

РУМАТА. Предложить честь и шпагу герцогу Арканарскому.

РЭБА. Странно. Покинуть блестящую столицу метрополии...

РУМАТА. На то были обстоятельства.

РЭБА. Какие же?

РУМАТА. Я убил на дуэли члена августейшей семьи.

РЭБА. Вот как? А в чем была причина дуэли?

РУМАТА. Женщина.

ЦУПИК. Врет он все, господин канцлер, ваша светлость. А вы уши развесили...

РЭБА. Вы слышите, дон Румата? Мы хотим правды! Одной лишь правды!

РУМАТА. Ага... А мне показалось...

РЭБА. Что вам показалось?

РУМАТА. Мне показалось, что вы хотите прибрать к рукам мое родовое имущество. Не представляю, каким образом вы надеетесь его получить?

ЦУПИК. А дарственная? А дарственная?

РУМАТА. Ты дурак, Цупик... Сразу видно бакалейщик. Тебе, конечно, невдомек, что майорат не подлежит передаче в чужие руки...

РЭБА. Вам не следует разговаривать в таком тоне.

РУМАТА. Вы хотите правды? Вот вам правда, истинная правда и только правда: ваш Цупик - дурак и бакалейщик.

ЦУПИК. Ну, сукин сын, дворянская сволочь...

РЭБА. Не будем отвлекаться, почтеннейший капитан. Ну-с, значит, вы богаты, барон?

РУМАТА. Я мог бы скупить весь ваш Арканар, но меня не интересуют помойки...

РЭБА (со вздохом): Мое сердце обливается кровью. Обрубить столь славный росток столь славного рода! Это было бы преступлением, если бы не вызывалось государственной необходимостью.

РУМАТА. Поменьше думайте о государственной необходимости и побольше думайте о собственной шкуре...

РЭБА. Вы правы. Сейчас самое время.

Он поднимает руку и щелкает пальцами. И сейчас же монахи за спиной Руматы бросаются на Абу и второго штурмовика, закалывают их и волокут прочь из апартаментов. Цупик, онемев от неожиданности, приподнимается было, но за его спиной появляются еще двое монахов, хватают его и заворачивают руки и лопаткам.

ЦУПИК. Ой-ей-ей-ей!..

РЭБА. Скорее, скорее, не задерживайтесь!

Монахи выволакивают отчаянно брыкающегося и вопящего Цупика из апартаментов. Слышится тяжелый удар, вопль резко обрывается. Монахи возвращаются и становятся за спиной дон Рэбы.

РЭБА. Как я их, а? Никто и не пикнул. У вас, я думаю, так не могут...

РУМАТА. У нас и не так еще могут.

РЭБА. Да? Ну что ж... Хорошо. А теперь поговорим, дон Румата. А может, и не Румата? И может быть, даже и не дон? А? (Выжидает секунду, затем тычет большим пальцем через плечо.) При них можете говорить свободно, они не знают языка... Да и языки у них с детства того... вырезаны... Ну?

РУМАТА. Я вас слушаю.

РЭБА. Вы не дон Румата. Вы самозванец. Настоящий барон Румата Восемнадцатый дон Эстор умер полтора года назад и покоится в фамильном склепе, и святые давно упокоили его беспокойную и, прямо скажем, не очень чистую душу. Вы как, сами признаетесь, или вам помочь?

РУМАТА. Сам признаюсь. Я - барон Румата дон Эстор, и я не привык, чтобы в моих словах сомневались.

РЭБА (зловеще): Я вижу, что нам придется продолжить разговор в другом месте.

РУМАТА. У вас что - геморрой, дон Рэба? (Рэба вздрагивает и выпрямляется.) Да, маху вы дали, всех врачей в герцогстве перерезали.

Впрочем, если вам удастся найти отца Будаха и если он согласится лечить вас...

РЭБА. Согласится. У меня все соглашаются.

РУМАТА. Значит, он уже у вас?

Пауза.

РЭБА. Итак, вы отказываетесь признаться.

РУМАТА. В чем?

РЭБА. В том, что вы самозванец.

РУМАТА. Почтенный Рэба, такие вещи доказывает. Ведь вы меня оскорбляете.

РЭБА. Мой дорогой дон Румата! Простите, пока я буду называть вас этим именем. Так вот, я никогда ничего не доказываю. Доказывают у меня в башне. Для этого я содержу опытных, хорошо оплачиваемых специалистов. Вы понимаете меня? Известно количество крови, содранной кожи, обугленного мяса... Посудите сами, ну зачем мне доказывать то, что я и так знаю? Кстати...

РУМАТА. Да?

РЭБА. Я заметил, что вас совсем не удивило, как я разделался с этим Цупиком.

РУМАТА. А чему здесь удивляться?

РЭБА. Признаться, я бы на вашем месте...

РУМАТА. Бросьте, дон Рэба. Это же так понятно. Цупик свое дело сделал: раздавил книжечеев и ремесленников, а сегодня перебил всех враждебных вам дворян... Кстати, малолетнего герцога вы не прикончили?

РЭБА. Что за мысль!

РУМАТА. Ну и вот. Цупик стал бесполезен и, следовательно, опасен. Теперь вы загоните штурмовиков в казармы, и в вашем Арканаре воцарится восхитительная могильная тишина.

Пауза.

РЭБА. Скажите, дон Румата, вы не знакомы с доном Кондором?

РУМАТА. Не имею чести.

РЭБА. Соанский генеральный судья... Он сейчас в Эсторе... Нет? Ну, хорошо. Вернемся к нашему делу. Я жду вашего признания, дон Румата. Поверьте, признание ничем вам не грозит.

РУМАТА. Мне не грозит. Оно грозит вам.

Рэба поднимается из-за стола и, заложив руки за спину, идет по апартаменту.

РЭБА. Хорошо. Видимо, начать придется все-таки мне. Давайте посмотрим, в чем замечен дон Румата Эсторский за год своей загробной жизни в герцогстве Арканарском. А вы потом объясните мне смысл всего этого. Согласны?

РУМАТА. Мне бы не хотелось давать опрометчивых обещаний. Но я с интересом вас выслушаю.

РЭБА. Мною были предприняты некоторые действия против так называемых книжечеев, ученых и прочих бесполезных и вредных для герцогства людей. Эти действия за последний год стали встречать некое странное сопротивление. Кто-то неведомый, но весьма энергичный, выхватывал у меня из-под носа и прятал самых важных, самых отпетых и отвратительных преступников - безбожного астролога Багира, преступного алхимика Синду, мерзкого памфлетиста Цурэна и иных, рангом поменьше. Кто-то похищал, спасая от справедливого уничтожения, богохульные библиотеки, развращающие картины, отвратительные астрологические и химические приборы. Кто он?

РУМАТА. Продолжайте.

РЭБА. Кто-то при поистине фантастических обстоятельствах, заставляющих вспомнить о враге рода человеческого, освободил из-под стражи чудовище разврата и душегуба, атамана крестьянских бунтов Арату Горбатого, и тот сейчас же пошел снова гулять по восточным областям герцогства, обильно проливая благородную кровь... Ну?

РУМАТА. Верю. Он сразу показался мне решительным человеком.

РЭБА. Ага! Вы признаетесь?

РУМАТА. В чем?

Рэба возвращается за стол.

РЭБА. Я продолжаю. На спасение этих растлителей душ вы, дон Румата, по моим очень неполным подсчетам, потратили не менее пуда золота... Ваше золото? (Он выхватывает из стола мешочек и высыпает на стол звонкие

золотые кружочки.) Одного этого золота достаточно, чтобы сжечь вас на костре! Это дьявольское золото! Человеческое искусство не в силах изготовить металл такой чистоты!

РУМАТА. Вот тут вы молодец. Этого мы не учли.

РЭБА. И вообще вы ведете себя неосторожно, дон Румата. Я все время так волновался за вас... Вы такой дуэлянт, такой задира! Три десятка дуэлей за год! Три десятка блистательных побед! И ни одного убитого... Вывихнутые руки, царапины на задних частях, синяки от ударов плашмя не в счет... Вы - мастер. Вы, несомненно, продали душу дьяволу, ибо только в аду можно научиться этим невероятным, сказочным приемам боя. Я готов даже допустить, что это умение было дано вам с условием не убивать. Хотя трудно представить себе, зачем дьяволу понадобилось такое условие...

РУМАТА. Довольно. Хватит пустой болтовни. Где моя девушка? Где Будах?

Рэба дрожащей рукой утирает вспотевшее лицо.

РЭБА. В надежном месте, разумеется.

РУМАТА. Не морочьте мне голову. Где они? Немедленно доставьте их сюда!

РЭБА. Не будем торопиться. Мне они самому нужны. Геморрой, знаете ли... другие старческие слабости... Ведь ваша невеста - она, знаете ли, штучка. А! Шельмочка этакая. Цупика, знаете ли, - нехорошо говорить дурно о покойниках, но это был жестокий и мстительный человек - за нос укусила, представляете?

Румата вскакивает. Рэба тоже поднимается. Монахи за его спиной делают шаг вперед и угрожающе направляют в сторону Руматы острия шпаг.

РУМАТА. Слушайте, Рэба! Я с вами не шучу. Если с Кирой и Будахом что-нибудь случится, вы подохнете как собака. Я раздавлю вас!

РЭБА. Не успеете.

РУМАТА. Вы дурак, Рэба. Вы опытный интриган, но тут вы ничего не понимаете. Никогда в жизни вы еще не брались за такую опасную игру, как сейчас. И вы даже не подозреваете об этом...

РЭБА. Ну что это вы, в самом деле... Сидели, разговаривали... Да живы они, целы и невредимы, ваша девчонка и Будах. Он меня еще лечить будет...

РУМАТА. Давайте их сюда! Не сердите меня и перестаньте притворяться. Вы же меня боитесь. И правильно делаете!

РЭБА. Мальчишка! Я никого не боюсь! Это я могу раздавить тебя, как пиявку! (Слышится множественный грохот копыт, за окнами проплывают силуэты всадников в капюшонах и с копьями. Рэба кидается к окну.) Смотри! (Румата подходит к окну.) Пр-рашу! Смирненные дети господа нашего, непобедимая конница Святого Ордена! Вы говорили о герцоге? Герцога больше нет! Малолетним герцог удалился в монастырь, отдав герцогство под покровительство Святого Ордена! И конница его святейшества высадилась нынче в порту для подавления варварского бунта возмнивших о себе лавочников!

РУМАТА. Еще бы! Где торжествует серость, к власти всегда приходят черные...

РЭБА. Что? Нет, вы еще не знаете. Мы еще не знакомы. Позвольте представиться: наместник Святого Ордена в Арканаре, епископ и боевой магистр раб божий Рэба!

РУМАТА. Подумаешь, новость... Это давно всем известно.

РЭБА. Как? Откуда?

РУМАТА. Не ваше дело. Слушайте, Рэба. Я устал. Я хочу спать. Я мочу помыться в горячей воде и смыть с себя кровь и слюни ваших головорезов. Давайте сюда Киру и Будаха, я ухажу.

РЭБА (указывая в окно). Их пять сотен копий!

РУМАТА. Немного потише, пожалуйста... И запомните, Рэба, я вижу вас насковзь. Вы хоть и епископ, но все равно всего лишь предатель и дешевый интриган... Я вас ненавижу, учтите это. Я согласен вас терпеть, но вам придется научиться вовремя убираться с моей дороги. За каждую подлость по отношению ко мне или моим друзьям вы ответите головой. Вы поняли меня?

РЭБА. Я хочу одного. Я хочу, чтобы вы были при мне, дон Румата. Я не могу вас убить. Не знаю почему, но не могу.

РУМАТА. Боитесь.

РЭБА. Ну и боюсь! Может быть, вы дьявол. Может быть, сын бога. Кто вас знает! Я даже не пытаюсь заглянуть в пропасть, которая вас извергла, у меня кружится голова, и я чувствую, что впадаю в ересь...

РУМАТА (зевая). Это меня не интересует.

РЭБА. А что же? Что вас интересует?

РУМАТА. А меня ничто не интересует. Я не дьявол и не бог, я - кавалер Румата Эсторский, я обременен капризами и предрассудками и привык к свободе во всех отношениях. Запомните это. А теперь прикажите доставить сюда Киру и Будаха и покончим с этим.

РЭБА. Еще одну минуточку. Хорошо, я готов выполнить ваши требования. Я не буду становиться у вас на дороге. Я не трону ни вас, ни ваших друзей... Но почему бы нам не пойти дальше?

РУМАТА. Что вы имеете в виду?

РЭБА. Почему бы нам с вами не заключить союз? Вы и я - ведь это была бы такая сила! Объединив усилия, мы бы все перевернули вверх дном, дон Румата! Вы только представьте себя, а?

РУМАТА. У меня на родине есть такая притча. Ворона спросила орла: "Для чего ты летаешь на такой страшной высоте!" - "Просто я люблю парить в синем небе", - ответил орел. "Врешь ты все, - сказала ворона обиженно. - Там наверняка полным-полно дождевых червей..."

Пауза.

РЭБА. Понимаю. Понимаю и ценю. В конце концов вы тоже стремитесь к каким-то идеалам. И я уважаю эти идеалы, хотя и не понимаю их... А вдруг когда-нибудь пойму? Я - человек широких взглядов, я вполне могу представить себе, что когда-нибудь стану работать с вами плечом к плечу...

РУМАТА. Там видно будет... (Пристально глядит на Рэбу.) Плечом к плечу...

РЭБА. Именно! Плечом к плечу! Во имя идеалов!

РУМАТА. Это мысль. Надо подумать. Хорошо. Обсудим, посоветуемся с народом...

РЭБА. Что?

РУМАТА. Ничего... (Наклоняется к Рэбе, нюхает, брезгливо морщится.) Господи, дон Рэба! Чем это так несет от вас? Потом протухшим и еще каким-то дерьмом... Это правда, что вы никогда не моетесь?

РЭБА. Некогда, дон Румата. Государственные дела, то да се...

РУМАТА. Ну, хорошо. Так я пойду. А вы распорядитесь - всех моих к воротам, немедленно...

РЭБА. Будет исполнено...

Румата идет к выходу, Рэба, забежав вперед, предупредительно распахивает перед ним дверь.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Гостиная в доме Руматы. Кира с тряпочкой и щеткой обмахивает с мебели пыль. Кира одета и причесана по-современному, по моде последней четверти двадцатого века. Входит, прихрамывая, Уно - через глаз черная повязка, на боку здоровенный палаш.

УНО. Кира, там опять эта сука пришла.

КИРА. Которая?

УНО. Эта... нарядная. Которая с доном Рэбой.

КИРА. Окана? Приглашай.

УНО. Так обед скоро. А хозяин ее не любит...

КИРА. Ничего, я ее быстро спроважу.

Уно выходит. Входит Окана в своем обычном пышном наряде, подбегает к Кире, целует ее в щеку, оглядывает.

ОКАНА. Какая прелесть! Милочка, кто это вас так надоумил? Ножки напоказ... верх до шеи закрыт... Это что, так теперь в метрополии носят? Кто-нибудь из Эстора к дону Румате?

КИРА. Нет. Это сам дон Румата. Даже сшил сам.

ОКАНА. Смело, смело... Только боюсь, что во дворце епископа... Вы знаете, какие у дон Рэбы строгие взгляды...

КИРА. Нет, конечно, во дворец в этом нельзя... Я и дома-то стесняюсь... Но Румата сказал, что так ему нравится...

ОКАНА. Конечно, конечно... Слово повелителя - закон... А прическа какая... Впрочем, что это я разболталась, я же спешу... Ехала к доне Сатарине, дай, думаю, загляну к моей душечке... Что у вас нового?

КИРА. Так, ничего... Все по-старому.
ОКАНА. Как поживает дон Румата?
КИРА. Жив, здоров... Что ему сделается?
ОКАНА. Я замечаю, он в последнее время почти нигде не бывает.
КИРА. Ему и дома хорошо.
ОКАНА. Конечно, конечно... Епископ не одобряет светских развлечений...
КИРА. Дону Румате епископ не указ.
ОКАНА. Это не совсем так, милочка. Просто дон Рэба благоволит к дону Румате.
КИРА. Ну, кто там к кому благоволит... Дон Румата свободен как ветер. Захочет - уедет, захочет - приедет...
ОКАНА. Мне сказали, что у вас сейчас гостит высокоученый отец Будах...
КИРА. Сегодня уезжает. Они с доном Руматой руду какую-то ищут...
ОКАНА. Так они оба уезжают сегодня?
КИРА. Оба. Дня на три.
ОКАНА. Какая жалость! Я так хотела пригласить вас к себе...
КИРА. Вы же знаете, дон Румата к дону Рэбе только в канцелярию ходит.
ОКАНА. Да... Да... Так дон Румата сегодня уезжает...
КИРА. Сразу после обеда. Сейчас будет обед.
ОКАНА. Тогда не буду мешать... Прощание влюбленных, даже на срок короче мгновенья, даже богам неуместно обременять присутствием своим... Ах, какая вы счастливица!
Окана целует Киру и выходит. Кира задумчиво глядит ей вслед. Входят Будах и Румата.
БУДАХ. Когда торжествуют серые, к власти приходят черные... Да. Отличная мысль. Поздравляю, дон Румата.
РУМАТА. Да мысль, в общем банальная. Но она в какой-то степени отражает закономерности нашего мира...
БУДАХ. До чего ловко научились выражаться эти дворяне! Не обижайтесь, мой друг...
РУМАТА. Давайте присядем... Кира, принеси отцу Будаху пива. Они садятся. Кира выходит.
БУДАХ. Собственно, само наличие закономерностей мира свидетельствует о совершенстве мира.
РУМАТА. Вот как? Вы считаете мир совершенным, отец Будах? И это после пожара в вашей библиотеке? После отсидки в подвалах дона Рэбы?
БУДАХ. Мой молодой друг, ну конечно же! Мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим... Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих...
Входит Кира с кувшином и стаканом, садится рядом с Руматой.
РУМАТА. А что, если бы можно было изменить высшие предназначения?
БУДАХ. На это способны только высшие силы.
РУМАТА. Но все-таки представьте себе, что вы бог...
Кира вздрагивает и прижимается лицом к плечу Руматы.
БУДАХ. Если бы я мог представить себя богом, я бы стал им.
РУМАТА. Ну а если бы вы имели возможность посоветовать богу?
БУДАХ. Я всегда говорил, что у вас богатейшее воображение...
РУМАТА. Вы мне льстите... Но что же вы все-таки посоветовали бы всемогущему? Что, по-вашему, следовало бы сделать богу, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?
БУДАХ. Что ж, извольте. Я сказал бы всемогущему: "Создатель, я не знаю твоих планов, но захоти сделать людей добрыми и счастливыми. Так просто этого достигнуть! Дай людям вволю хлеба, мяса и вина, дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужда, а вместе с тем и все, что разделяет людей..."
РУМАТА. И это все?
БУДАХ. Вам кажется, что этого мало?
РУМАТА. Бог ответил бы вам: "Не пойдет это на пользу людям. Ибо сильные вашего мира отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими".
БУДАХ. Я бы попросил бога оградить слабых. "Вразуми жестоких правителей", - сказал бы я.
РУМАТА. Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют

силу, и другие жестокие заменят их.

БУДАХ. Накажи жестоких! Чтобы неповадно было сильным проявлять жестокость к слабым!

РУМАТА. Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг него сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильнее из слабых. Тоже жестокие. Так придется карать всех, а я не хочу этого.

БУДАХ. Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили все и не отбирали друг у друга то, что ты дал им.

РУМАТА. И это не пойдет людям на пользу. Ибо когда получают они все даром, без трудов, из рук моих, то забудут труд и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

БУДАХ. Не давай им всего сразу! Давай понемногу, постепенно!

РУМАТА. Постепенно люди и сами возьмут все, что им понадобится.

БУДАХ (чесет в затылке). Да, я вижу, это не так просто. Я как-то не думал о таких вещах... Кажется, мы с вами, мой друг, перебрали все возможности. Впрочем, есть еще одна. Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы это стало единственным смыслом их жизни!

РУМАТА. Я мог бы сделать и это. Но стоит ли лишать человечество истории? Нужно ли подменять одно человечество другим? Это же все равно, что стереть человечество с лица планеты и создать на его месте новое...

БУДАХ. Понятно... Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

РУМАТА (медленно). Сердце мое полно жалости. Я не могу этого сделать.

Кира отшатывается от Руматы и закрывает лицо ладонями. Будах медленно поднимается из кресла.

БУДАХ. Слушайте, дон Румата. Хотел бы я знать все-таки... (Садится.) Черт знает что!

Румата, пригнув голову, примеривается сбить что-то щелчком со стола.

БУДАХ (нервно). Что это вы?

РУМАТА. Таракан. (Щелчком сбивает таракана со стола.) О чем это мы... Да! (Кире.) Кто это приходил?

КИРА. Дона Окана.

РУМАТА. Что-то она зачастила... Чего ей нужно?

КИРА. Так, зашла по дороге... Жалела, что ты уезжаешь, а у самой на морде полпуда краски...

РУМАТА. Жалела, что я уезжаю? Откуда она узнала?

КИРА. Я сказала... А что, не нужно было?

Румата и Будах переглядываются.

РУМАТА. Что ты ей сказала?

КИРА. Что вы будете сейчас обедать, а потом скоро уедете... с отцом Будахом... Я не так сделала?

РУМАТА. Нет-нет, ничего...

БУДАХ. Неосторожно...

РУМАТА. Вообще-то пустяк, конечно...

Пауза.

КИРА. Простите меня... Я не думала... Я не знала...

БУДАХ. М-да... Ежели дом Рэба знает, что ты собираешься сделать, лучше сделать все шиворот-навыворот...

РУМАТА. Правильно. Береженого бог бережет... (Звонит в колокольчик. Вбежавшему Уно.) Коня для отца Будаха.

УНО. А обед как же?

БУДАХ. Сейчас уж не до обеда, братец...

РУМАТА. Дашь отцу Будаху в дорогу окорок и хлеба...

БУДАХ. Эсторского во все фляги... да смотри, настоящего, а не этой кислой водицы...

УНО. А вы, хозяин, значит, не едете?

РУМАТА. Остаюсь. Ступай, делай.

Уно выходит. Кира робко подходит к Румате, берет его за руку.

КИРА. Ты не сердись?

РУМАТА. Вот еще, стану я на тебя сердиться из-за какого-то задрипанного епископа... Значит, сделаем так, отец Будах. Поезжайте к Угрюмой Берлоге и ждите меня там. А я здесь осмотрюсь, погляжу, что к чему...

БУДАХ. Договорились. Гм... А может быть, мне остаться с вами?

РУМАТА. Нет-нет. Поезжайте, мой друг. И не медлите в городе. Прямо со двора - в галоп и к северным воротам.

БУДАХ. Хорошо, мой друг. Вам виднее...

РУМАТА. А чтобы вам не было скучно... (берет Будаха под руку, отводит его на авансцену.) Пораскиньте умом, попробуйте доказать, что отношение длины окружности к ее радиусу есть величина постоянная...

БУДАХ. Отношение длины к радиусу... Ого! Любопытная идея! Черт подери, дон Румата, ну и голова у вас!

Входит Уно.

УНО. Все готово.

РУМАТА. Поезжайте, мой добрый друг...

БУДАХ. Не хочется что-то... Ладно. Берегите себя. (Обнимает Румату.) И ты тоже... (Обнимает Киру.) Ладно...

Уходит вместе с Уно. Кира и Румата стоят посередине гостиной, прислушиваясь. Слышится стук удаляющихся копыт.

КИРА. Уехал... Я все-таки рада, что ты остался. А ты рад?

РУМАТА. Я? Я всегда рад, когда я с тобой...

КИРА. Помнишь, ты как-то сказал: все к лучшему... Видишь, хоть я и плохо сделала, что разболталась с этой Оканой, а получилось чудо как хорошо... Так мне не нравится, когда ты уезжаешь, если бы ты знал...

РУМАТА. Не ври.

КИРА. Я не вру! Я тебе никогда не вру!

РУМАТА (обнимает ее). А кому ты врешь?

КИРА. Кому угодно. А тебе - нет. Вот только...

РУМАТА. Что?

КИРА (освобождается из его рук). Пусты-ка... Вот нужно мне сказать тебе кое-что, а я не знаю, совру или нет...

РУМАТА. Интересно.

КИРА. Сказать?

РУМАТА. Конечно. Все равно не утерпишь.

КИРА. Это правда. Не утерплю. Только не знаю еще... не уверена я, правда или нет...

РУМАТА. Понятно.

КИРА. Что? Что тебе понятно?

РУМАТА. Наверное, так начинали миллионы и миллионы женщин, которых любят.

КИРА. Догадался...

РУМАТА. Еще бы не догадаться... (Обнимает и нежно целует ее.) Рада?

КИРА. Я-то рада... А вот ты, по-моему...

РУМАТА. Если бы ты знала! А как обрадуется Александр Васильевич!

КИРА. Алексан... Кто-кто?

РУМАТА. Так, один мой хороший знакомый. Значит, теперь нас трое...

КИРА. Да. Девятнадцатый барон Румата.

РУМАТА. Или баронесса. Ты знаешь, я не против и баронессы.

КИРА. Мужчины всегда хотят мальчиков. Сыновей.

РУМАТА. Это смотря какие мужчины. Настоящие мужчины больше любят дочерей. Впрочем, сыновей они тоже больше любят...

КИРА. О чем ты думаешь?

РУМАТА. Я не думаю. Я боюсь.

КИРА. Ты? Боишься?

РУМАТА. Боюсь.

КИРА. Ах да... Ты об отце Будахе... Он славный, веселый...

РУМАТА. Нет, за отца Будаха я не боюсь. Ему что - подхватил какую-нибудь оглоблю и всех раскидал... Ты знаешь, что самое неприятное на свете?

КИРА. Конечно, знаю. Это когда тебя нет со мной.

РУМАТА. Это, конечно, неприятно. Но еще неприятней - это держать за хвост тигра. Держать тошно, а отпустить страшно.

КИРА. Не понимаю.

РУМАТА. Это я о нашем друге, о епископе Арканарском, о доне Рэбе. Видишь ли, все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас и взять в качестве заложника.

Пауза.

КИРА. Что ты такое говоришь, я не понимаю...

В гостиную входит черный монах в рясе с надвинутым капюшоном. Румата хватается за шпагу.

РУМАТА. Стой, сукин сын!

МОНАХ. Осторожнее с железом, благородный дон Румата. Это опять я.

РУМАТА. Арата? Вы?

АРАТА. Я. У меня срочное дело. (Румата поворачивается к Кире.) Ничего. Ваша подруга нам не помешает. А может быть, и поможет. Она хорошая женщина.

РУМАТА. Садитесь, благородный Арата...

Они садятся. Кира сжавшись в комок в кресле, во все глаза разглядывает их.

АРАТА. Вы знаете, что творится в стране?

РУМАТА. Представляю.

АРАТА. Такого даже я еще не видел. Трупы, трупы, трупы... Людишек режут, распинают и жгут прямо на улицах...

РУМАТА. Знаю... Я пытаюсь вмешиваться, но все бесполезно. Там, где я вытаскиваю из петли одного, немедленно вешают десятерых...

АРАТА. Ничего. Чем хуже, тем лучше... Дон Румата, почему вы не хотите помочь мне?

В это время в гостиной появляется Уно. Он стоит у входа и слушает. Никто не замечает его.

РУМАТА. Одну минутку. Прошу прощения, но я котел бы знать, как вы проникли в дом?

АРАТА. Это неважно. Никто, кроме меня, не знает этой дороги. Не уклоняйтесь, дон Румата. Почему вы не хотите дать мне вашу силу?

РУМАТА. Не будем говорить об этом.

АРАТА. Нет, мы будем говорить об этом! Я не звал вас. Я никогда никому не молился. Вы пришли ко мне сами. Или бог просто решил позабавиться?

РУМАТА. Вы не поймете меня. Я вам двадцать раз пытался объяснить, что я не бог - вы так и не поверили. И вы не поймете, почему я не могу помочь вам оружием...

АРАТА. У вас есть молнии?

РУМАТА. Я не могу дать вам молнии.

АРАТА. Я хочу знать почему?

РУМАТА. Я повторяю: вы не поймете.

АРАТА. А вы попытайтесь объяснить!

РУМАТА. Что вы собираетесь делать с молниями?

АРАТА. Я выжгу черную и золоченую сволочь, как клопов, всех до одного, весь их проклятый род до двенадцатого потомка. Я сотру с лица земли их монастыри, казармы и крепости. Я сожгу их армии и всех, кто будет защищать и поддерживать их. Можете не беспокоиться - ваши молнии будут служить только добру, и когда на земле останутся только освобожденные рабы и воцарится мир, я верну вам ваши молнии и никогда больше не попрошу их.

РУМАТА. Нет. Я не дам вам молний. Это было бы ошибкой. Постарайтесь поверить мне, я вижу дальше вас. Я приведу вам только один довод. Он ничтожен по сравнению с главным, но зато вы поймете его. Вы живучи, славный Арата, но вы тоже смертны. И если вы погибните - ваши молнии перейдут в другие руки, уже не такие чистые, как ваши, тогда... мне страшно подумать, чем это может кончиться.

Пауза.

АРАТА. Зачем вы пришли к нам?

РУМАТА. Это вам тоже трудно понять. Мы пришли учиться.

АРАТА. Учиться? Чему?

РУМАТА. Учиться помогать вам.

АРАТА. Помогать нам... Но это так просто!

РУМАТА. Нет. Это дело длительное и сложное. Пока мы не знаем еще даже, с какого конца взяться за него...

АРАТА. Так... Да, это мне не понять. Дон Румата, вам не следовало спускаться с неба. Возвращайтесь к себе. Вы только мешаете нам.

РУМАТА. Это не так. Во всяком случае, мы никому не вредим.

АРАТА. Нет, вы вредите. Вы внушаете беспочвенные надежды.

РУМАТА. Кому?

АРАТА. Мне. Вы ослабили мою волю, дон Румата. Раньше я надеялся

только на себя, а вы сделали так, что теперь я чувствую вашу силу за своей спиной. Раньше я вел каждый бой так, словно это мой последний бой, а теперь я заметил, что берегу себя для других боев, которые будут решающими, потому что бог примет в них участие.

РУМАТА. Славный Арата, некогда борцы за свободу на моей родине шли в бой с песней: "Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой..."

АРАТА. Ага! Они понимали толк в борьбе! Нет, дон Румата, уходите отсюда, вернитесь к себе на небо и никогда больше не приходите... Или без оглядки переходите к нам, обнажите ваш меч и встаньте плечом к плечу с нами! (Пауза.) В нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину - это всегда наполовину враг...

Кира вскакивает.

КИРА. Вы не смеете так с ним разговаривать! Он добрый, он сильный! Он сильнее всех на свете! Он все-все видит и знает! Что мы ему? Муравьи! Один муравейник воюет с другим муравейником... И вы хотите, чтобы он разорил один муравейник во славу другого?

УНО. Не ври! (Подбегает к Арате, становится рядом с ним.) Мы не муравьи! Мы люди! Хозяин, я любил и почитал вас, вы знаете... Но великий Арата прав! Молнии... Нет? Пусть! Мы и без молний! Я уйду от вас, хозяин. Если Арата возьмет меня с собой, я пойду с ним. Если не возьмет, я пойду один. Я сам буду резать этих сволочей, один или не один...

АРАТА. Я беру тебя, мальчик. Пойдем. Мы не придем сюда больше. Нехорошо мешать богам учиться...

КИРА. Погодите... (Подбегает и Уно, хватая его за плечи, трясет.) Уходишь? Покидаешь Румату? Он из тебя человека сделал, а ты его предаешь?

УНО. Отпусти меня... Не я предаю. Это он предает... Пустите же!

Уно вырывается из рук Кира, отходит.

АРАТА. Ну, вот и все. Слово сказано. Прощайте, дон Румата. Пойдем, мальчик.

Он поворачивается, чтобы идти, и вдруг останавливается, прислушиваясь. Румата тоже поднимает голову. Слышится цокот множества копыт. И сразу - грубые голоса:

- Это здесь.

- Вроде здесь...

- Сто-ой!

КИРА. Румата, это за нами!

В дверь ударяют кулаки. Грубый голос:

- Во имя господи! Открывай, девушка!

Румата подскакивает к окну, распахивает створку.

РУМАТА. Эй, вы! Вам что - жить надоело?

Шум мгновенно стихает. Голоса негромко:

- И всегда ведь в канцелярии напутают. Хозяин-то дома, никуда не уехал...

- Что делать будем?

- У меня есть приказ: взять девицу в доме дон Руматы. Будем брать.

- А хозяин?

- Хозяина приведем в неподвижность.

РУМАТА. Перебью как собак!

Кира подбегает к нему, прижимается к его плечу. Голос за окном:

- Вывернуть столб, бить в дверь. Быстро!

РУМАТА (Кире). Ну что ты, маленькая! Испугалась! Неужели этой швали испугалась! (Отходит от окна, обнажает шпагу.) Сейчас я их...

АРАТА. Может быть, проще уйти? Я знаю потайной ход...

РУМАТА. Уйти? Мне это как-то... Послушайте, славный Арата. Возьмите девушку и Уно и уходите. Спрячьте их где-нибудь. А я...

В раскрытом окне появляется занесенная во взмахе рука.

КИРА. Не смей!

Она бросается к окну, заслоняя собой Румату. Метательный нож вонзается ей в грудь. Рука исчезает. Кира шатается, падает, Румата подхватывает ее.

РУМАТА. Кира!

КИРА. Вот... больше не боюсь... хорошо...

Румата относит Киру на диван.

Пауза. Румата выпрямляется, некоторое время стоит неподвижно, затем

кулаком, в котором зажата рукоять шпаги, проводит себя по глазам. Смотрит на шпагу, выходит на середину залы.

РУМАТА. Ладно. Все. Конец.

АРАТА. Надо уходить, благородный Румата.

РУМАТА. Уходить? Мне? (Трясет головой.) Я, видите ли, буду драться. А вы уходите, вы оба. Это будет мой бой.

АРАТА. Ваш? Как бы не так! (Извлекает из-под рясы короткий широкий меч. Уно выхватывает палаш.) Нет, дон Румата. Нет, человек с далекой звезды! Это будет наш бой. Вероятно, последний, но НАШ!

Они стоят трое плечом к плечу и слушают, как трещит и ломается под ударами дверь.

ЭПИЛОГ

Поляна перед Угрюмой Берлогой. У подножия идола сидит Будах, уперев локти в колени и спрятав лицо в ладонях. Рядом стоят Кондор, Пилот и Неизвестный в широкополой шляпе с пером, закутанный в плащ.

ПИЛОТ. Они произвели целое побоище. Изрубили весь отряд и вырвались на улицу. Тут на них навалилось сразу человек пятьдесят, пеших и конных. Они не остановились. Они шли по трупам, с головы до ног в чужой и своей крови. Первым пал мальчик Уно, его изрешетили стрелами. Арата был убит уже на дворцовом площади. А Антон добрался до канцелярии. Там, на ступеньках крыльца...

Пауза.

КОНДОР. Понятно. Тело?

ПИЛОТ. Мы прибыли слишком поздно...

Пауза.

БУДАХ. Он был прав. Величина постоянная. Три и четырнадцать сотых.

КОНДОР. Что - три и четырнадцать?

БУДАХ. Отношение длины окружности к радиусу... (Опускает руки, поднимает голову и обводит всех взглядом.) Да не в этом дело! Я не знаю, кто вы - боги или демоны. Но он не был ни богом, ни демоном. Он был одним из нас. Он перестал бояться тараканов. Он был добрый и умный, он умел драться и веселиться, и он погиб за нас и как один из нас. И он любил стихи... Он очень любил мои стихи... Особенно вот эти... (Встает, декламирует.)

Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Бессильный и неумелый,
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...

Но я всегда подозревал... (Достает платок, сморкается.) ...что сам-то ом... сам-то он знал, где у спрута... сердце... только вот не добрался... (Вновь роняет голову на руки, плачет.)

КОНДОР. Нет, он не знал... И мы пока не знаем. Ну что ж, начнем все сначала. (Неизвестному.) Павел Сергеевич!

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Слушаю вас, Александр Васильевич.

КОНДОР. Итак, с этой минуты вы начинаете свое существование как граф Пампа дом Бау из Ирукана. Но прежде чем пожелать вам успеха и попрощаться с вами, я хочу, чтобы вы повторили заповедь, вырезанную на мраморе в актовом зале нашего Института.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. "Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах..."

КОНДОР. Ни при каких обстоятельствах... Ни при каких?..

ЗАНАВЕС